

АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ

МЯГКАЯ
ПОСАДКА

Александр Николаевич Громов

Мягкая посадка

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128737

Мягкая посадка: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-45990-2

Аннотация

Не пройдет и ста лет, как человечество разделится на две части: часть людей останется людьми, часть будет походить на человека только внешне, живя примитивными инстинктами. Их назовут адаптантами. Это уже поставит под угрозу судьбу цивилизации. А когда начнется новый ледниковый период, с человечеством будет покончено. Или почти покончено?..

Содержание

I. Июнь	4
1	4
2	22
3	31
4	35
5	49
6	68
7	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Александр Громов

Мягкая посадка

І. Июнь

1

На двери подвала под табличкой «Секция самообороны при помощи подручных средств» была нарисована оконная рама. Несомненно, инструктор дядя Коля, приглашенный институтом в качестве эксперта по самообороне, был способен защитить свою жизнь и рамой, однако нас этому не учил, резонно полагая, что оконные рамы в свободном состоянии суть явление неординарное и не у каждого человека под свитером найдутся мышцы, достаточные для выворачивания добросовестно вставленной рамы за приемлемое время. Учитывая институтскую специфику, наиболее ходовым подручным средством при обучении был обыкновенный стул, но уделялось внимание и другим предметам, в том числе на территории института не встречающимся, как, например, кирпичи, арматурные прутья или обрезки труб. Институту было все равно, где именно преподаватель будет убит или покалечен. Институт был заинтересован в том, чтобы это

случалось как можно реже.

Я вошел и поздоровался. Дядя Коля был один, и все в подвале было как положено: четыре стены, одна из них дощатая и с засиженной жужелицами дверью, пара очень крепких столов из металла и пластика, шкаф габаритами с дядю Колю, стулья разных конструкций и степени сохранности, крохотное, занесенное снегом окошко под самым потолком, настенный портрет сангвинического Генриха Герца в сильно пострадавшей раме и сверху четыре лампы, забранные металлической сеткой. Помятая ржавая урна в углу у двери тоже была на месте, а в другом углу стояла, вытянувшись во фронт, швабра без тряпки и сияло новенькое оцинкованное ведро. Раньше их здесь не было.

Дядя Коля повернулся ко мне всем корпусом – по-моему, иначе он не умел, – буркнул мне в ответ что-то отдаленно напоминающее приветствие и, поймав мой обращенный на швабру взгляд, ухмыльнулся. У меня сразу упало настроение. Не нравятся мне эти ухмылки. Если бы я неизвестно почему не ходил у дяди Коли в любимчиках, был бы соблазн подумать, что он собирается облегчить мне задачу. Но черта с два. Я знаю дядю Колю не хуже, чем он сам знает Сергея Самойло. Дядя Коля болезненно переживает, если с его любимчиками что-нибудь случается, и, соответственно, принуждает их работать в полную силу, хотят они того или нет.

– Ага, – гавкнул он наконец, – пришел?

– Зачет, – объяснил я. – Вот что, дядя Коля, давай сегодня

поскорее, ладно? Ей-ей, некогда.

– Некогда? – переспросил дядя Коля. – Вот даже как? Ладно, отожмись-ка для начала.

Переодеваться здесь не полагалось. Обучаемый должен уметь защитить себя в любой момент, то есть прежде всего находясь в заведомо повседневной одежде и при этом максимально используя ее достоинства. Я лег в чем был – темные брюки, темный пиджак поверх свитера – и начал отжиматься, надеясь, что сегодня как-нибудь обойдется. Не обошлось: дядя Коля носком ботинка подтолкнул ко мне стул с обломанной о чью-то шею спинкой.

– Ноги на стул, живо.

С дядей Колей лучше не спорить. Я отжался сколько мог – тридцать один раз. По-моему, это было совсем неплохо. Потом, понукаемый ядовитыми замечаниями, я отжался больше, чем мог: еще восемь раз. Потом рухнул.

– Дохлятина, – с презрением сказал дядя Коля. – Учи тебя не учи, а как был слабаком, так слабаком и остался. В чем дело: до сих пор девочки на уме?

Я хотел было сказать ему, что у меня сейчас на уме, но раздумал. Руки здорово дрожали, и дыхание никак не восстанавливалось.

– Ладно, – буркнул дядя Коля. – Встань с четырех на две. Посмотрим, как ты сдашь зачет.

Он свистнул подручного. Вот в чем, оказывается, было дело: обыкновенно дядя Коля гонял меня по комнате в оди-

ночку. Теперь их было двое, и швабра с ведром в углу была ой как кстати. Впрочем, подручный тут же преградил мне туда дорогу.

– Одна минута. – Шлепком ладони дядя Коля оживил таймер. – Поехали.

Я хотел попросить его дать мне сначала отдышаться, но он, сделавшись вдруг гибким и ловким, уже двинулся ко мне, на ходу входя в свою роль: походочка резкая, развинченная, но одновременно и пружинящая, губы под моржовыми усами жуют плевков, взгляд поганый. Очень натурально это у него получалось; если бы не габариты фигуры – истинно сандист из уличной стаи. Зверь.

Продержаться целую минуту против дяди Коли само по себе отнюдь не просто, против двоих же у меня не было бы никаких шансов, если бы они дрались по-настоящему. Макет «тарантула» из руки подручного я выбил сразу же и позаботился, чтобы оружие отлетело под стол, но легче мне от этого не стало. Дядя Коля сегодня работал исключительно на силу, на свою бычью силу, не хватаясь за посторонние предметы, зато применил все костоломные приемы, которые я знал, и даже один такой, о котором я не знал ничего, но, к счастью, сообразил вовремя. Один раз я достал его стулом, и он удовлетворенно крякнул. Меня он достал дважды и оба раза болезненно – в первый раз я сумел, хоть и с опозданием, блокировать удар, во второй раз успел ушмыгнуть. Подручный был мне незнаком и отнимал много внимания.

Пока идет бой, время никуда не торопится. Минута ударов, блоков, хаканья и треска насилюемой мебели больше похожа на прожитый день, по самое некуда заполненный тяжелой, глупой и никому не нужной работой. Когда завершал таймер и все кончилось, с меня текло в три ручья. Подручный сразу исчез, унося с собой сломанный стул и расплющенное ведро. Кажется, он торопился. Дядя Коля поворчал в усы, сходил куда-то и включил аварийное освещение.

– Сойдет, – буркнул он, возвращаясь. – Будет тебе зачет. Только в следующий раз ты так нож рукавом не лови – распорешь вену. Усек?

– Усек, – сказал я, вынимая из рукава нож и вертя его в руках. Лезвию было далеко до стерильности, и на нем запеклась кровь. Не моя. Я брезгливо взял нож за лезвие и запустил в дощатую стену – под потолок, чтобы не сразу достать. Потом вытянул из кармана платок и вытер руки.

– Чего это с тобой сегодня? – поинтересовался дядя Коля, влезая на стол и вешая на место портрет Герца. – Неприятности?

Я не ответил.

– А ты нахал, – задумчиво сказал дядя Коля. – Как тебе пришло в голову проводку-то оборвать? Секунды три на халюву поймал. Мой недосмотр.

Когда дядя Коля говорит задумчиво, это опасно. Можно невзначай схлопотать по спине какой-нибудь оконной рамой.

– Как ты мыслишь, дядя Коля, – спросил я, указывая кивком на засевший в стене нож, – скоро у нас в институте появится секция самообороны от ВИЧ-девять?

Он только ухмыльнулся. По-моему, он не боялся ВИЧ-девять. Он вообще ничего не боялся.

– Ну, я пошел? – сказал я полуутвердительно.

– погоди. – Дядя Коля пошарил под столом, нашел и убрал в карман макет пистолета. Разгибаясь, он попытался заглянуть мне в глаза. Ничего у него не вышло. – Seriously: что с тобой сегодня?

Я пожал плечами. Со мной сегодня ничего не было. Ничегошеньки. Разве что в этот обыкновенный день мне все особенно осточертело. Мне осточертел институт. Осточертело сдавать еженедельные зачеты дяде Коле. Осточертел холод и серые сугробы на улицах. Пожалуй, мне просто надоело так жить.

А может быть, мне вообще надоело жить? Гм. Ценная мысль. Главное, свежая и оригинальная. Надоело вот, и все. Прямо с утра.

Я об этом потом подумаю, ладно?

– Так, чепуха, – сказал я, изображая улыбку. – Все в норме.

– Это не норма, – возразил дядя Коля. – Сегодня ты был готов убить. И не мотай головой, я видел. Нельзя звереть во время боя. Наша задача – выжить самим и по возможности дать выжить другим. Даже тем подонкам, что хотят проло-

мить тебе голову. Это ясно?

Это было ясно. Хорошо еще, что дядя Коля не сказал про другую щеку, а то я бы не удержался и спросил, нужно ли подставлять и гениталии. Дядя Коля озверел бы. С его рефлексами бойца и плитами вместо мышц легко быть гуманистом и проповедником ненасилия. В общем, люби человека, и если не желаешь о нем думать, то хотя бы помни о его неприкосновенности. Себе же неприкосновенность обеспечить сам. Куда уж ясней.

Я покивал, соглашаясь. Кажется, дядя Коля мне не поверил. И правильно.

– Зачет-то я тебе поставлю, – неохотно сказал он, – только запомни, что я тебе сказал. А теперь иди с глаз, тебе пора.

Это я и сам знал. Сейчас было половина девятого, а занятия начинаются в девять. И еще было бы неплохо забежать к шефу и дознаться, какую гадость он мне уготовил на следующий семестр. В коридоре, где было по светлей и висело зеркало, я бегло осмотрел фасад и тыл, стряхнул с костюма мелкий мусор и привел себя к каноническому виду. Доцент доцентом. В торце коридора кто-то малознакомый, повесив себе на каждую ногу по блину от штанги, с натужными стенаниями корчился на перекладине, вытягивая подбородок кверху так, будто тонул в непролазном болоте. Морда лоснилась. Из-за двери с табличкой «Секция карате» доносились сочные удары, звуки прыжков и кошачий мяв. Дверь напротив, с надписью, извещающей о том, что секция айкидо

находится именно здесь, а не где-то еще, была заперта на всякий замок: по-видимому, инструктор все еще пребывал в реанимации. Теперь секция наверняка распадется, даже если этот непротивленец выйдет на службу завтра. В институте в айкидо уже верят слабо. Гораздо больше верят в подручные средства.

Подвал – гардероб – улица. Снаружи лениво мела поземка и торчали из сугробов мертвые деревья. Небо было низкое, крашенное под пасюка на асфальте. С утра студгородок успели расчистить; редкие ранние студенты, зевая от холода, уже потянулись за разумным, добрым, вечным. Где-то во внутреннем дворе, невидимый отсюда, мычал движком снегоед, пробивая каньоны в свежих завалах, и неожиданно взревывал, напорвшись на пень или остаток какой-нибудь ограды. Оттуда тянуло промозглостью и высывалось облако холодного тумана. Я поежился и плотнее запахнулся в куртку. Днем, пожалуй, подтает, особенно на тротуарах, все-таки в городе теплее градусов на семь, если не больше. Может быть, даже удастся увидеть открытую землю, давно я ее не видел, – черную, сырую, восхитительно липнущую к подошвам, с прелыми мочалками ископаемой травы. Чавкающую. Что ж, может быть, и удастся, день на пятьдесят шестой параллели сегодня совсем неплох. Лето.

Прошлом лето было холодным. Без единой оттепели. Прошлым летом я познакомился с Дарьей, и по выходным мы ходили на лыжах. Подальше за город, куда глаза глядят. Как

правило, глядели ее глаза. Я наполнял термос кофе и пихал в рюкзак бутерброды. Мы искали лыжню и, если находили, забирались далеко в глубь леса. Там не так сквозило. Она убегала вперед, потому что лучше меня ходила на лыжах, и ждала меня, когда у нее замерзли руки. А я на эти руки дул. Помню, мы нашли в лесу карликовую сосну, с которой еще не ссыпались иглы, и Дарья объявила это чудом. Потом она хотела еще раз добраться до той сосны, только я не пустил. Незачем. Сейчас на той сосне наверняка не осталось ни одной иголки. Она уже тогда была мертвая.

А вот зимой мы на лыжах не ходили. Зимой мы вообще никуда не ходили, разве что изредка я выбегал за едой и возвращался с фиолетовыми губами и носом цвета ватмана. Зимой на улицах холодно и почти безопасно, не встретишь даже адаптанта – сидят, надо полагать, по норам, берегут до летнего сезона свое краденое оружие и повышенную любовь к двуногим прямоходящим, жрут то, что удалось добыть в пустых квартирах, дрыхнут, гадят и совокупляются в свое удовольствие. Зимой я переехал к Дарье, потому что в моем доме замерзли трубы, и грех сказать, что это была плохая зима. В институте я маячил от случая к случаю – впрочем, с декабря по март там и не намечалось особенных трудовых свершений: летние каникулы теперь безжалостно урезаны в пользу зимних. Ввиду стихии.

Тут я обнаружил, что никуда уже не иду, а стою в сугробе и прочно в нем завяз. Пришлось выдирать ноги, выби-

раться на твердое место и нудно топтать, отряхивая ботинки. Конечно, снег проник вовнутрь и теперь противно таял, пропитывая носки. Кроме как доводить человека до простуды, ничего другого он не умеет. Умник, обругал я себя. Ты еще вспомни, как по грибы ходил. По чернушки-волнушки. А как еще успел – хорошо, ребята уговорили – махнуть напоследок в Карелию и как байдарку колотило и ломало на порогах, вспомнить не хочешь ли?.. А по берегам порогов уже лежал и не собирался таять цепкий крупчатый снег, и было пусто, как в яме, вообще в том походе было что-то траурное, река остывала буквально на глазах, к утру тихие плесы схватывало тонким звенящим ледком, и мы ломали лед веслами и двигались медленно, сосредоточенно, стараясь оберечь байдарку от ранений лезвиями ледяных кромок...

Теперь она сгнила, эта байдарка.

Ближе к учебному корпусу снег растоптали в кисель. Здесь толклась небольшая толпа, она задерживалась, обтекая колонны, и тремя струями вливалась в главный вход. Это была осмысленная, векторная толпа, с умеренной составляющей броуновского движения. Люблю такую. Роились студенты потока один, существа знакомые и в целом безопасные – сам когда-то был примерно таким же, а теперь вот читаю им электротехнику. Что до прочих человекообразных с потоков «два-А» и «два-Б» – особенно «два-Б», – то орда этих дубоцефалов выглядит куда хуже. Фауна. Но она появится чуть позже и не в этом крыле здания – потоки мудро разде-

лены во времени и пространстве. Это правильно.

Оставалось еще минут пятнадцать. Я торопливо разделся в гардеробе для преподавателей и заспешил по коридору. Зря, конечно: спешащий у нас всегда не прав и подозрителен, следовательно, рискует нарваться. Разумеется, тут же какой-то самодовольный жлоб из внутреннего патруля пресек мою прыть и не захотел верить протянутому пропуску, после чего я сначала нетерпеливо объяснял, кто я такой, а потом вышел из себя и, кратко объяснив ему, кто такой он, был все же отпущен с миром, но в настроении хуже некуда. Ублажать служебное рвение жлобов – дело препротивное, хотя, я знаю, находятся люди, испытывающие от этого занятия мазохистское удовольствие. Но это не по мне. Куда ни плюнь – либо жлоб, либо дубоцефал-толстолобик, хорошо еще, что в институте нет адаптантов, по крайней мере теоретически. А вот где люди, хотелось бы знать? Люди-то где?

Дверь в наш деканат визжит, как жертва вивисекции. Люди были здесь. На визг повернули головы сразу трое: юный толстый секретарь из недоученных разгильдяев с протекцией, унылый Вацек Юшкевич с нашей кафедры электрических машин и надменная Алла Хамзеевна, мастер подлежащих и сказуемых с кафедры русского членораздельного для дубоцефалов. За дверью в кабинет декана кричали в два голоса – Сельсин разносил в атомы какого-то неподатливого. Это он умеет. Секретарь, соря на бумаги, ел бутерброд и с

интересом прислушивался. Алла Хамзеевна сидела мумией – плоская спина в трех сантиметрах от спинки стула и идеально ей параллельна. Вацек с покорной тоской в глазах сложился из угла в угол.

Я поздоровался со всеми, а с Вацеком – за руку. Вацек никогда не подает руки первым, это приходится делать мне. Секретарь что-то промямлил сквозь бутерброд, я не понял что. Алла Хамзеевна сурово поджала губы. Она меня не любит, и есть причина. Это она так считает. Никак не может простить, что моих родителей отправили на Юг раньше ее припадочного зятя, хотя по ее заслугам, в чем она глубоко убеждена, следовало бы наоборот, причем вне всякой очереди. Но вне очереди пошел я, и ей это сугубо не все равно. Вацеку вот все равно, а ей не все равно. Бывают такие люди.

– Сельсин у себя? – спросил я.

Алла Хамзеевна сделала вид, что не слышит.

Сельсин – прозвище и сущность нашего декана. Я имею в виду сельсин-датчик. Это не фамилия, а несложный электромеханический прибор. Если ось сельсина-датчика повернется на некоторый угол, на тот же угол волей-неволей должна повернуться ось связанного с ним кабелем сельсина-приемника. В общем, все как у людей.

– У себя, – нерадостно сообщил Вацек. – Только он, по моему, занят.

Крик за дверью усилился. Теперь орал один Сельсин, орал за двоих, а его оппонент только вякал с последней линии

обороны. Сельсин его дожмет, вольтерьянца.

– Как думаешь, это надолго?

Вацек только пожал плечами. Будто поежился. Вид у него был самый несчастный. Вольтерьянец за дверью вдруг страшно заорал: «Я вам так не позволю!..» Позволит он. Еще как позволит. И так позволит, и эдак. Я знаю.

– Я первая, – вдруг сказала Алла Хамзеевна непререкаемым тоном. – Я здесь уже полчаса, а вы только что пришли.

– Пожалуйста, пожалуйста, – уверил я. – Вы так вы. Мне все равно.

Кажется, я ее обидел. Она копит обиды на меня и складывает их в обширную копилку. Сейчас ей очень бы хотелось, чтобы мне было не все равно, чтобы я полез к Сельсину напролом, пихаясь локтями направо и налево, а она бы не пустила и весь день ощущала бы удовлетворение от выполненного долга и причастности к высшей справедливости. Нет уж, дудки ей. И большой тромбон.

– Ты-то чего здесь? – спросил я Вацека.

– Своих на Юг отправляю, – скорбно пожаловался он. – Бумагу вот подписать. И еще... – Он замялся.

– Давно пора, – одобрил я. – Почти все уже стариков отправили. А куда предлагают?

– Нефтекумск, – с тоской сказал Вацек. – Вы случайно не знаете, где это?

– Да уж, наверное, не на Таймыре, – хмыкнул я. – Ты чего такой скучный? Кавказ, должно быть, или где-то около...

Совсем не так плохо. Да, точно. Северный Кавказ. Или около.

– А там зимой тепло? – спросил Вацек.

Этого я не знал. По здравой логике, летом, пожалуй, не холодно, ледник далече. А вот зимой... Я развел руками. Вацек много от меня хочет. Погодой на Кавказе я пока еще не заведу.

– А вы, Сергей Евгеньич, своих куда отправили?

– В Туапсе, – сказал я с неловкостью.

– А-а...

Нотку зависти в его голосе я все-таки уловил. Но так, самое чуть-чуть, на пределе чувствительности. Мне опять повезло больше, чем ему, а Вацек убежден, что так и должно быть, и разубедить его в этом нет никакой возможности. Он всегда относился ко мне с громадным пиететом, еще с тех пор, как я, тогда вечно злой от бессонницы аспирант и сам вчерашний студент, за неимением других погонял оказался у него в руководителях дипломного проекта. Крупных звезд с неба он не хватал, мелких тоже, но был как-то трогательно старателен и после диплома остался на кафедре инженером. Субординацию он и тогда уважал, и теперь уважает, только у него она особая. В его табели о рангах на втором месте, сразу после Сельсина, вписана моя фамилия, и, кажется, навечно. Он сделает для меня что угодно, но говорить мне «ты», на что я не раз и не два пытался его подбить, органически не способен. Если я скажу ему, что в интересах дела завтра его

повесят, он придет со своей веревкой и мылом в кармане. Мне с ним бывает неловко. Вот как сейчас.

– Некоторые считают, что главное – устроить своих родственников, – сказала Алла Хамзеевна, глядя прямо на меня, – а там хоть трава не расти и остальные пускай отправляют родителей околевать в этот самый Земноводск...

Я ее проигнорировал.

– Тут м-м... такое дело... – сказал Вацек. Было видно, что он не знает, как начать. – Э-э... Ржавченко умер, вы знаете?

Секретарь икнул и укусил бутерброд. На меня сдержанность Вацека тоже произвела впечатление. Умер... гм. В общем, конечно, умер. Похоже, процесс был не лучше результата. Истерзанный труп Ржавченко был найден вчера между новым корпусом и спортзалом какими-то студентами со второго потока на отработке трудовой повинности по уничтожению снега. Говорят, долго не могли опознать. Студентов сейчас трясут, но много ли вытрясут, неизвестно.

– Еще бы, – сказал я. – Жаль: хороший был мужик. Кремация, кажется, послезавтра. Ты пойдешь?

– Н-не знаю... Да, наверное. Я это... Я э-э... вот что хотел сказать... Раз уж его убили... – Слова из Вацека шли туннельным переходом, пробиваясь сквозь потенциальный барьер. Он страшно мучился и вид имел такой раскаянный, будто сам и убил. – Тут э-э... вот какое дело...

– Ржавченко читал лекции в «два-Б», – опять встряла Алла Хамзеевна, и Вацек кинул на нее взгляд, отчаянный и бла-

годарный одновременно. – И еще вел семинары в трех группах.

До меня начало доходить.

– Угу, – произнес я с пакостным предчувствием. – И кому теперь все это... добро?

– Вам, конечно, – с энтузиазмом сказала Алла Хамзеевна. – Вы у нас молодой и способный, даже чересчур, вам и палку в руки...

Я исхитрился сдержаться, чтобы ее не убить.

– Вам только лекции, Сергей Евгеньич, – поспешил вставить Вацек. – Семинары будут у Конюхова, он как раз сейчас там...

Там – это, конечно, у Сельсина. Я прислушался. В кабинете декана уже не кричали. Сельсина слышно не было, а второй голос – теперь я и сам узнал Конюхова – упрашивал, настаивал, умолял... Тоже напрасное занятие. Если Сельсин позволит слезам и соплям влиять на свои решения, на его место пришлют кого-нибудь другого.

– Ясно, – сказал я, стараясь не выражать эмоций. – Меня, надо полагать, тоже обчистили. Не знаешь случайно, что отбирают?

– Кажется, знаю, – сказал Вацек, глядя себе под ноги. – Лабораторные в первом потоке. Но это, по-моему, еще не наверняка...

Секретарь потерял интерес к разговору, зевнул и жизне-радостно потянулся. Потом поискал под столом, поймал жу-

желицу и принялся обрывать ей ноги.

– Так... И кому отдают?

– Мне. – На Вацека было жалко смотреть.

Я медленно сосчитал до десяти. Потом эта дура Хамзеевна, не удержавшись, хихикнула, и я продолжил счет. Ай, спасибо! Спасибо Вацеку и спасибо Алле Хамзеевне. Очень вовремя вы здесь оказались, вот что я вам скажу. Не будь вас, я бы сейчас прямиком рванул к Сельсину драть глотку и терять от обиды лицо. Как вот сейчас Конюхов. Хотя, конечно, всучить дубоцефалов, да еще с потока «два-Б», взамен нормальных студентов – это подлость, которую я Сельсину не прощу. А еще это необходимость, и поэтому никуда ты, голубчик, не денешься и некуда тебе деться. Ну, выразишь покрепче, если не сможешь. Ну, стукни кулаком где-нибудь подалее от Аллы Хамзеевны. Скрути в бублик того, кто от тебя зависит. В конце концов, напиши крупными буквами на бумажке: «Это твой долг!» – и утрись ею. Может, полегчает.

Алла Хамзеевна сияла. Специально для нее я пожал Вацеку руку:

– Поздравляю. Рад за тебя. Если будут какие-нибудь проблемы, можешь на меня рассчитывать, идет?

Он кивнул.

– Напрасно вы так сидите, Алла Хамзеевна, – сочувственно сказал я, покидая деканат. – Вот именно так геморрой и зарабатывают...

Ай-яй-яй... Зря это я. Глупо. На четвертом десятке уже

поздновато гоняться за дешевыми удовольствиями, разумнее озаботиться сохранностью центральной нервной. Первая заповедь дяди Коли: если уж бьешь, то бей так, чтобы оппонент не встал. В противном случае лучше улыбайся.

И тут дядя Коля безусловно прав.

2

С девяти до одиннадцати – семинар в шестой группе потока «два-А». Это я люблю. На семинарах куда безопаснее, чем на лекциях или в лаборатории, к тому же сегодня как раз зачет. Очень люблю. Можно не слишком дрожать за свою шкуру: на зачете ты с потенциальным противником всегда один на один.

Сидят, пялятся на вопросы, напрягают скудные мозги. Сложной техники им не дают, и правильно делают, а видеодоску и световое перо легко заменить, если что. Впрочем, дубоцефалы народ, как правило, мирный, а для защиты от скрытых адаптантов придумана преподавательская кабинка на две персоны, стойкая к воздействию извне, и не только она одна.

Сижу в своей цитадели, слежу по экранчику, что там у них на досках. Н-да... Как обычно. Вот один пишет и стирает, пишет и стирает, решая непосильную задачу на обобщенный закон Ома. Другой, высунув от усердия язык, бездарно рисует порнографическую картинку. Варвар, да разве ж в этой позиции что получится? Ладно. Я им займусь с пристрастием, и не только потому, что не люблю, когда перевирают анатомические пропорции. Мне эта рожа давно не нравится.

У остальных – пока ничего. Когда от твоей работы нет отдачи, это задевает. И очень хорошо, что дубоцефалы учатся

не четыре с половиной года, а два с хвостиком, по усеченной программе. По-моему, для того чтобы обслуживать рубильник, и этого много. Вот, скажем, поток «Э» – элита – учится семь лет, да так, что только пар идет. Впрочем, какой это поток – струйка тощая, не на что смотреть. Ручеечек. И с каждым годом он все больше хиреет, а хотелось бы наоборот. Защитным энергостанциям нужны специалисты, а не обслуживатели рубильников, нужно было спохватиться еще лет двадцать назад, когда только-только сформировались и пришли в движение первые ледники. Но тогда даже адаптанты не признавались проблемой номер один и уж подавно никто не хотел верить, что наше межледниковье кончилось столь внезапно. А что, не нравится? Нет, только честно: вы в самом деле не ждали? Смешно мне с вами, ребята, а было бы еще смешнее, если бы вы ждали и готовились: что бы вы тогда сделали? На холод, ребята, на холод! Валяйте, выдумывайте свою Глобальную Энергетическую Программу, фабрикуйте для нее специалистов, спешите. И извольте принять тот факт, что семьдесят процентов населения теперь составляют такие вот дубоцефалы.

Эти, с потока «два-А», в сущности, не вполне еще дебилы, и на уровне спинного мозга с ними можно иметь дело. Что же касается «два-Б», то я не понимаю, зачем их вообще учат. Похоже, только для того, чтобы чем-нибудь занять. И скрытых адаптантов среди них гораздо больше: у каждого студента генокод не проверишь, спасибо, что сделали это для

преподавателей. Вот я – человек, и мой генокод в порядке. Могу показать свидетельство, если кто-нибудь пристанет.

– Чермных, ко мне!

Идет. Хорошо идет. Грудь у нее большая и классическая. Сколько чего у одного места отнимется, столько к другому непременно и присовокупится. Воистину так, Михайло Васильевич. Ну, что там у нее? Гм... да. Мерзость запустения. Лесотундра. А эта дура еще что-то лопочет.

– Не так, – говорю. – Глупости. Запомните. Первый закон Кирхгофа: сумма токов в узле равна нулю. Второй закон: сумма напряжений по контуру равна опять-таки нулю. Это ясно? – Она кивает головой и грудями. – Повторите. – Сбивчиво повторяет. – Достаточно. Зачет. Марш отсюда.

Убегает, счастливая.

– Филенков, ко мне!

Идет. Ухмылка такая – гланды видно. Это тот, с порнографией. Художником ему не бывать. Техником на энергостанции, очевидно, тоже. Сейчас я его расколю, ошибку природы, только нельзя выпускать это мурло из поля зрения. Ни в коем случае... Под столом кнопка... ГДЕ?.. Ага, вот тут, под ногой, вот она, голубушка.

– Садитесь.

Странно, задача у него решена. И картинку он стер, а подсказал ему стереть, не иначе, тот, кто решил задачу. Ну, ясно. Вопрос дебилу. Молчит и щерится. Ответа и не жду. Еще вопрос. Щерится и молчит. Ну, теперь пора.

– Дурак, – говорю без выражения. – Толстолобик. И без зачета хорош. Выматывайся. Придешь на следующей...

До каждого скрытого адаптанта рано или поздно доходит, что преподаватель тоже уязвим. И тогда в его глазах внезапно вспыхивает бешенство, такое, что нормального человека просто отшатывает в сторону. Важно не прозевать этот момент. Жуткое бешенство, нечеловеческое. В сущности, адаптант и есть не человек, только он этого не знает. Любопытная это штука – глаза адаптанта. Такой же видовой признак, как шерсть у мамонта, и подделать невозможно: адаптанты нутром чувят чужого. Если бы мы могли внедрять своих людей в уличные стаи, в городе, пожалуй, можно было бы жить. Давлю ногой на кнопку. Спецкоманда обязана прибыть по вызову не позднее чем через сорок пять секунд.

Олух царя небесного, ну кто же кидается на преподавателя с голыми руками! Да еще через стол. Этот стол специальный: выродок не может достать меня в броске и, теряя секунды, вынужден лезть вверх, вроде чудо-богатыря, форсирующего Альпы. Не спеша подсекаю ему ногу и слежу за тем, чтобы черепная крышка пришла в соприкосновение с крышкой стола. Большого не требуется: письменный стол вполне надежен как подручное средство. Глухой стук – и, собственно, все. Оползень расслабленного тела со стола на пол крайне неэстетичен. Адаптант жив, но сотрясение мозга, или что у него там, уже имеет. Дядя Коля учит дозировать силу воздействия.

Оправляю рукав и смотрю на время – прошло, должно быть, секунд шесть. Нормально. Остальные тридцать девять я отдыхаю в ожидании спецкоманды. А они врываются с хрипом и топотом, едва не высадив дверь и гремя наручниками. Я величаво указываю перстом, и спецкоманда, стреножив смутьяна, выволакивает его вон – надо полагать, на экспресс-проверку и далее по этапу в резерват. Ноги волочатся по полу. Мне суют мятый бланк, и я расписываюсь. Сдал-принял. Почему-то именно эта бумажка производит на дубоцефалов сильнейшее впечатление. Сидят, раззявя рты. Предметного урока им хватит, пожалуй, до начала следующего семестра, вряд ли дольше. Потом опять держи ухо востро.

Интересно, кто свой среди чужих в этой группе и почему он проморгал явного адаптанта? Этот? Нет, пожалуй, вон тот. Или нет? Ладно, это не мой уровень, спрашивать работу с дятлов низкого полета не входит в мои служебные обязанности, и слава богу. И знать их в лицо мне тоже не полагается. Но все-таки интересно.

Некоторое время сижу неподвижно, тупо гляжу перед собой и давлю в себе непрощенное чувство жалости. Глупо и неуместно. А к кому жалость – к этой морде? И почему жалость? – потому что выродок не виноват, выполняя то, что заложено в него природой? Бунтуют гены потомственного интеллигента, переполняются идиотским сочувствием... А ведь эта протоплазма вполне могла меня убить. Да. И убила

бы, если бы не дядя Коля. Страшно подумать – читать лекции в «два-Б». Сто морд с лягушачьими глазами, сто жвачных рыл... а я им про сигнальные графы Коутса. В гробу они их видели. Буду выписывать формулы, а они на букве «омега» начнут поощрительно ржать, полагая, что я специально для их удовольствия изобразил задницу. И самое главное – придется поворачиваться к ним спиной, а это хуже всего. Не дай бог, попадется необорудованная аудитория. Правда, у меня полный зачет по самообороне, не так уж и плохо... Хм. У Ржавченко тоже был полный зачет.

– Рыбин, ко мне.

Субтильный выюноша, какой-то пришибленный. Лицо хорошее, а взгляд тупее некуда. Но задачу адаптанту решил он, или я ничего не понимаю в своей профессии и гнать меня надо. Не дятел он, это точно. И заведомо не адаптант. По моему, он даже не дубоцефал.

– Ну, выкладывайте.

Пришибленный начинает объяснять, вода пальцем и мучительно подбирая слова. Экает и мекает. Там, где есть синонимы, он выбирает самый идиотский.

– Достаточно, – останавливаю. – Почему вы не учитесь в первом потоке?

Глупо моргает, запускает в нос палец по вторую фалангу включительно и хлопает ртом, как уловленный карп. Переигрывает.

– Ну хватит, хватит, – жестко говорю я. – Поиграли, и бу-

дет. Мне все ясно. Не хотите быть откровенным – не надо. Вы не дебил и занимаете чужое место. Я буду вынужден сообщить о вас в сортировочную комиссию.

Я вовсе не шучу, и до него это доходит. Сгоняет с лица дурацкое выражение. Затюканность остается.

– Не надо. Пожалуйста, не надо...

Лжедебил косится через плечо, на лице испуг. Настоящий испуг со сфабрикованным я не спутаю.

– Можете говорить, здесь звукоизоляция.

Он сбивчиво объясняет свою ситуацию. Вышибить из меня слезу не пытается, и мне это нравится. Он не может отправить из города мать и сестру. Нет, не обязательно на Юг. У них нет возможности уехать. Когда в прошлом году он принес документы, то сразу спросил, будет ли рассмотрена просьба о сдаче экстерном. Его спросили, не считает ли он здесь себя умнее всех. Ему ответили, что нет. Тогда он обманул сорткомиссию. Он должен, он обязательно должен окончить институт в два года, больше им здесь не выдержать. Когда он поедет по распределению, он сможет взять с собой родных, он узнавал.

Задаю наводящие вопросы, бью в цель. Мать? Да, больна. Нет, это с ней недавно, после того как сестра попала к адаптантам и двое суток ее не могли найти, а так она женщина крепкая... Сестра? Нет, сестренка жива. Но... В общем, с ней...

Что с ней, я, к сожалению, очень хорошо понимаю.

– Ты вообще в своем уме? – говорю я сначала спокойно-увещающе, как старший, который якобы дальше видит и лучше знает. Потом не выдерживаю, луплю кулаком по столу, ору и брызгаюсь: – Умник! Лопух развесистый! Обрадовался – два года! Да с таким дипломом ты всю жизнь будешь сдувать пыль с вольтметров на какой-нибудь энергостанции в Лабытнанги! Всю жизнь, до тех пор, пока вы там со своей энергостанцией не вмерзнете в лед, это ты понимаешь?

Он уныло кивает. И вдруг начинает с увлечением объяснять, что все не так страшно, как мне кажется, нужно только уехать отсюда и переждать несколько лет, а там все непременно изменится, не может быть, чтобы не изменилось, не бывает такого...

Подобные разговоры длятся пять минут, а устаешь от них, как от тренировки в подвале у дяди Коли. Парень по-своему прав. И я ничего не могу для него сделать. Только лишь не трясти языком где попало, а ведь парню большего и не надо... Иногда думаешь, что тот, кто придумал наше общество, был ненормальным от рождения.

– Идите, – киваю обессиленно. – Зачет. И... удачи вам.

Благодарит. Уходя, оборачивается:

– Простите, Сергей Евгеньевич, а как вы узнали?

– В задаче у вас ошибка, – говорю, – такая дурацкая, что даже талантливо.

– Спасибо, – говорит. – Большое вам спасибо. Я приму меры.

И примет. Скорректирует тактику, начнет репетировать перед зеркалом пускание слюны и больше не попадетсЯ. Я таких знаю.

– Довгонос, ко мне!

Очередной экспонат моей кунсткамеры боком выползает из-за стола и бредет ко мне в кабинку. Этот вполне натурален: на лице неизгладимые следы интеллектуальной недостаточности, с виду ближе к олигофрену, чем к дебилу, и вонюч вдобавок. Что у него, недержание? Это он хорошо придумал – пойти учиться. Сидел бы лучше дома, ходил бы, если не лень, в другую кабинку...

А в моей кабинке миазмам некуда деться, кроме как мне в нос.

– Зачет! – кричу. – Пшел! Ф-ф... Вон отсюда! И дверь не закрывай!.. Следующий! Эй, следующий! Кто готов?

Люблю зачеты.

Что ценного осталось в институте еще с доледниковых времен, так это обеденный перерыв и преподавательская столовая. Чисто, опрятно, несуетно, салфеточные вигвамы на тарелках, а главное, можно быть почти уверенным, что под видом голубцов или шницеля тебе не скормят пищевые дрожжи четвертого сорта и такого же срока лежалости. Здесь все натуральное, по крайней мере я так думаю. А та плесень, говорят, произрастает на нефтяных фракциях, и неплохо, говорят, произрастает. Ну и пусть себе. На чем ей придется произрастать, когда Глобальная Энергетическая начнет пожирать без остатка все, что горит, хотелось бы знать. На фекалиях?

Здравая застольная мысль.

Над соседним столиком Гарька Айвакян с кафедры автомастики терзал толстый антрекот. Жевал, тщательно собирал на вилку зелень. Вообще-то он Гагик, а не Гарик, о чем сам уже вряд ли помнит. Москвич в энном поколении, в смысле родного языка не владеет даже акцентом, так называемой этнической родины в глаза не видел, и во сне она ему, наверное, не снится, так он ее пытается уловить через кинзу и всякий прочий силос. Тоже способ. При моем появлении Гарька отвлекся от этого занятия и вонзился в меня взглядом.

– Ну, – спросил, – как?

– Изыди, – попробовал отбиться я. – Как обычно.

– А как обычно? – тут же прицепился он.

Я вздохнул.

– Гаденьша одного сегодня отловил. Ржавченко убили. Кретинов опять суют – учи, говорят. Чего тебе еще? Все нормально. А у тебя?

– И у меня нормально, – сказал он и снова включился в борьбу с антрекотом.

Очевидно, мои новости Гарьку не заинтересовали. Даже странно. Его кинзой не корми, дай выяснить чужую позицию по основным вопросам мироздания. О том, что теснота общения, как вообще всякая теснота, противна человеческому духу, он думать не хочет и на инспирированную им же грубость не реагирует.

А может, сегодня ему просто-напросто достался жесткий антрекот?

Я не спеша доел голубцы и сунул тарелки в дробилку. Обеденный перерыв кончился. Я задумался. По идее, мне сейчас следовало поспешать на кафедру, и поспешать рысью, потому что мне платят деньги не за то, что я в столовой думаю о фекалиях, а за то, что я всегда там, где мне нужно быть, а быть мне сейчас нужно в лаборатории. С другой стороны – я заметил, что иду уже медленнее – сегодня мне туда идти как раз не обязательно, Сельсин, скорее всего, уже утвердил вместо меня Вацекка, так что плюну-ка я лучше на все отравленной слюной и поеду к Дарье. Тем более что

нынче дополнительное занятие и придут только изгнанные с предыдущих лабораторок за неподготовленность разгильдяи да еще хворые с бумажками о хворобах – эти две категории обучаемых сильнейшим образом пересекаются. Вацек справится. Не забыть бы поговорить насчет него с дядей Колей.

Наверное, я все-таки соскучился по нормальным людям – иначе не объяснить, почему я свернул к лабораторному корпусу. Вацек так Вацек. Сейчас я воспринял бы даже Хамзеевну.

Должно быть, прежде, в былые времена, башня лабораторного корпуса смотрелась неплохо, умиляя прохожих конструктивистскими изысками прошлого века, – но теперь здорово напоминала гигантский заснеженный пень. Здесь, сколько я себя помню, расчищали только дорожку перед входом: во-первых, снегоедам было негде развернуться, а во-вторых, на кафедре после продолжительных дебатов возобладало мнение, что в снегу теплее. Снегу навалило по третий этаж, и сквозь могучие завалы, вроде последнего привета от утопленников, просачивался слабый оконный свет. По вечерам это было даже красиво. Сейчас вокруг корпуса крутился туман: на Красноказенной со вчерашнего дня яро ломали асфальт и крушили экскаватором обогревательные трубы, а зачем – поди пойми. На тротуарах и не думало подтаивать, лишь стих ветер и все так же падал ленивый снег, сеялся вертикально черт-те откуда. Он так способен сеяться неделями, я его знаю, и торопиться ему глупо, у него впереди весь

ледниковый период. Звуки куда-то пропали, было ватно. На вершине монументального сугроба мерз почем зря пегий голубь на одной лапе и косился на меня красным, как у плотвы, глазом. Мало их теперь осталось, но еще живут и, наверное, размножаются. Это правильно. Тут такое дело, божьи твари: кто быстрее приспособится, тот и выживет, ясна задача?

Адаптантам она ясна вполне.

4

Пока будет что охранять, будет и охрана. А когда охранять будет нечего, она все равно будет. Сначала я предъявил пропуск при входе, потом у дверей кафедры – там тоже сидела тетка и тоже толстая, как цистерна. Она меня не знает. Миллион раз мимо нее ходил, а она меня не знает. Пыхтит, смотрит пропуск, потеет... Интересно, зачем ей кобура с «тарантулом», если она свой палец в предохранительную скобу ни за что не просунет? Увы, генотест подтверждает, что мы с ней (теткой, а не скобой) принадлежим к одному биологическому виду. Жаль.

– Все в порядке, проходите.

Ну, спасибо тебе, родная. Ну, обрадовала.

В лаборатории не нашлось никого, лишь маячил одинокий студиоз, напрасно вскочивший с места при моем приближении, зато в лаборантской я накрыл сразу обоих – Вацек и Сашку Столповского, лаборанта. Сашка сидел за столом и что-то строчил на листе бумаги.

– А, дети подземелья! – сказал я. – Сачкуем?

– Гы! – сказал Сашка и не поднял глаз. Вацек робко улыбнулся. Робко и виновато.

Когда мне с ним не бывает неловко, он меня раздражает. Ему нужна накачка, как лазеру, а пока накачки нет, Вацек так и будет стоять и улыбаться. Заставить Сашку работать

он не может, а оставить лодыря в покое ему мешает принадлежность к породе выпрямителей пизанских башен. Помогая, прогресс гораздо чаще рождается не в борьбе идей, а в мучительном перетягивании каната на уровне классических инстинктов.

– Ну?

– Сейчас-сейчас, – сказал Сашка. – Я скоренько.

Я уже понял, что он пишет. Сегодня он был опять пойман на входе как злобно опоздавший и препровожден в караульное помещение – очень зря. Сашка был задирист и мстителен. Такого он не прощал и уже успел отослать Сельсину ядовитую объяснительную, а теперь потел над докладной в адрес начальника охраны. Я пробежал бумагу впользгляда. Документ был неотразим и изобличал всю гнусную подноготную вахтерши, «которая из-за явно неполного служебного соответствия, выражающегося в служебной медлительности, допускает образование при входе в корпус очереди мерзнувших сотрудников вследствие непрерывного рассказывания означенной вахтершей анекдотов сомнительного свойства и обсуждения интимной жизни начальника охраны непосредственно в рабочее время», а также – это все знают – бегаем за пивом в буфет, бросая свой пост. Были в бумаге и трогательные слова о добросовестности, о попранном служебном долге, о палках, торчащих в колесах Глобальной Энергетической и о поврежденной электрической плитке, используемой в нарушение противопожарной инструкции от 18 нояб-

ря 2027 года.

– Силен, – сказал я. – Тебе бы должность – был бы страшен.

– Угу, – сказал Сашка. – Естественно. Вследствие служебной медлительности.

– Бросай рукоделие. Студенты ждут.

– Много? – испуганно спросил Вацек.

– Много не много, а один ждет. Может, и еще подойдут. Ты чего уши развесил? Бери этого лодыря за зебры, чтоб бумагу не изводил, и тащи. Ему вкалывать надо.

– А в Канаде мамонта оживили, – вдруг сказал Сашка. – Вы не слышали?

– Нет, – сказал Вацек.

– По экрану показывали, – сказал Сашка и даже облизнулся в предвкушении. – Что, никто не видел? Ну, так я вам расскажу. Пять лет генокод читали, пока разобрались. Своих-то мамонтов они еще в палеолите всех повыбили, так наши им по линии добрососедства от Березовского, музейного – полхвоста за валюту, неужели не слышали? Сделка века! Ну, долго, я вам скажу, они мыкались, пока своего не воспроизвели. У них там целая программа была: первый зверь экспериментальный, а потом, значит, нарастить поголовье и пустить вольным выпасом по всей Канаде, чтобы мясо всегда свежее. Коровы, свиньи повымерзли – так? Так. Это раз. Мяса всем хочется – два. Овцебыки ихнии – мелюзга с рогами, там смотреть не на что. Мамонту в подметки не годятся. Ну,

вырастили, значит, канадцы мамонта в лаборатории, так он им все приборы ногами передавил, и пришлось его раньше времени из-под контроля на вольный выпас. А он там взял да и сдох через два дня.

– Замерз? – хмыкнул я.

– Напутали с генокодом? – спросил Вацек.

– Куда там! Начал было этот мамонт снег в лесу клыками разрывать, траву искал. А под снегом в том месте черт знает с каких времен – капкан на гризли, ржавый. Но сработал: хлоп – хобота нет. Напрочь. Мамонт отдельно, а хобот отдельно. А кому нужен мамонт с хоботом отдельно? В таком виде он сам себе не нужен. Потосковал-потосковал и помер. Канадцы в шоке: исходного материала-то у них совсем не осталось. А вторую половину хвоста мы им продать отказались, как ни упрашивали. Во-первых, она оказалась слоновьей, а во-вторых, самим нужна.

Вацек принужденно улыбнулся.

– Болтун, – сказал я. – Мамонты ему, бездельнику. Ты мне зубы не заговаривай. Ты мне лучше вот что скажи: когда на четвертом стенде коллектор искрить перестанет?

– А он разве искрил? – удивился Сашка. – Ну ладно, ладно, верю. И... что?

– А ты не догадываешься?

– Почистить?

– Вот именно.

Сашка глубочайше вздохнул и посмотрел на меня. Потом

на Вацека.

– Вацек, – пропел он томным голосом умирающего лебедя. – Ваценька...

– Нечего тут, – сказал я. – Марш работать.

Сашка обиженно посопел, отложил недописанную кляузу и полез ковырять пальцем в ухе. Правым мизинцем в правом ухе. Я все понял.

– Слушай, Вац, – сказал я просительно. – Может, ты пока включишь там, а? Погоняй в разных режимах, и студента тоже, а я тут покажу Кузину маму этому дармоеду. Лады?

Вацек не может вынести, когда я говорю просительно. Разумеется, он тут же вышел, даже не взглянув на Сашку, и минутой спустя за стенкой уже что-то гудело, завывало и даже, возможно, искрило. Мы с Сашкой остались вдвоем. Шутки кончились. Теперь я остро чувствовал, что лучше мне было сюда не ходить, а ехать напрямик к Дарье. Помимо общения с Сашкой, есть очень много других способов испортить себе настроение.

– Ну что, хохмач? – спросил меня Сашка голосом начальника.

– Что – что? – строптиво спросил я голосом начальника рангом выше.

Сашка терпеливо покопался в брючном кармане и извлек ключи, вряд ли что-нибудь отпирающие, но зато с брелоком, выполненным в виде большеголовой кошки с тигровой расцветкой и отчаянным взглядом жертвы валерьянового по-

хмелья. Оба глаза кошки горели зеленым – жукодав и вакуум-фильтр работали в штатном режиме.

– Нас не слышат.

– А нас слушают? – спросил я. – Был бы очень польщен, что кому-то нужен.

– Ты этот тон брось, – сказал Сашка. – Ты у меня уже вот где сидишь. Что у тебя по основной теме?

– Ничего, – ответил я.

– Почему?

Я свернул лицо в гримасу.

– Потому что ничего и быть не может. Пусто. Бред эта ваша основная тема, по-моему. Ты сам вникни: откуда, ну откуда среди преподавателей может взяться адаптант? Рожу я вам его, что ли?

– Интересная мысль, – похвалил Сашка. – Есть аргументы?

– Пожалуйста, – сказал я, закипая. – Вот тебе аргументы: мы им просто не нужны. Точнее, мы им нужны лишь постольку, поскольку обеспечиваем им своеобразную экологическую нишу, хотя вряд ли они способны это понять. Если бродячая собака остановилась около столба, сие еще не значит, что она станет читать расклеенные на столбе объявления, есть у меня такое личное наблюдение. У собаки просто иные намерения. Что я, адаптантов никогда не видел? Сколько угодно и каждый день. Зато никогда не видел кишечных паразитов, сующихся управлять мыслями своего хо-

зияина. Уровни различны – суть одна. Между прочим, каждый преподаватель дважды в год проходит стандартное генотестирование, а раз в два года – проверку по форме «А-плюс», и без никаких. Во избежание. У вас там, надеюсь, известно, что такое форма А-плюс? Если даже допустить дурацкое предположение, что где-то среди нас существует выродок-супер, способный маскироваться под человека на уровне, превышающем наши возможности чтения генокода, то мы его просто не сможем найти, это хоть ясно?

– Это ясно, – сказал Сашка. – Такого рода аргументы оставь при себе. Можешь мне поверить, он существует. И наша задача – его найти.

Ну вот, опять сказка про белого бычка. Я удержал себя в рамках. Вообще-то иногда полезно покричать на свое непосредственное начальство, но сейчас был явно не тот случай. Сашка не Сельсин. В Сашкином ведомстве крика не ценят.

– Что удалось сделать? – спросил он самым заурядным голосом.

Я рассказал ему, что мне удалось сделать. Это не заняло много времени. Сашка кивнул.

– Понятно. Круг подозреваемых?

– Я никого не подозреваю.

– Круг наиболее вероятных кандидатов в адаптанты, – уточнил Сашка. – По объективным параметрам.

Я наконец понял, чего он хочет, и тоска навалилась на меня как-то сразу. Мертвая это была тоска, неудержимая и без-

надежная. Очевидно, если только я правильно понял, поимка скрытого адаптанта представлялась ему в виде какой-то алгебраической задачи – во всяком случае, формализуемой задачи. Или... не ему? Все может быть. Интересно, кто он по званию? Вряд ли Сашка принимает решения сам, скорее всего, это делает за него кто-то другой, и вот ему, другому, почему-то кажется, что здесь применимы традиционные методы родимых пенатов, вроде игр в агентурную сеть и системный анализ. Даже внешне Сашка куда как подходит для игр в агентурную сеть: обыкновенное бесцветное рыло, глазу не за что зацепиться, сто раз увидишь и не запомнишь, хоть удавись. И в голову не придет запомнить.

– Я. Ты. Он. Они. Любой из нас.

– И Вацек Юшкевич?

– А что – Вацек? – спросил я, настораживаясь.

– Только то, что у него родная сестра в адаптантах. Она теперь в резервате, он ей зачем-то письма пишет. Ты знал?

Нельзя сказать, что мне вдруг стало смешно. Мне стало тошно.

– Не знал. И ничего удивительного. Такое скрывают. Я бы на его месте об этом не болтал, да и ты тоже.

– Вот как? – сказал Сашка. – А тебе не кажется, что у него есть особая причина это скрывать?

– Само собой, – с готовностью согласился я. – Естественно, особая. Та же самая причина, по которой скрывают от посторонних, например, грыжу в паху. Или гонорею.

– Не хотите меня понять, Сергей Евгеньевич, – задумчиво проговорил Сашка, спонтанно перейдя на «вы», – меня это насторожило, – совсем не хотите... Неважная, прямо скажем, работа, отдачи не видно. Вы все-таки присмотритесь к нему повнимательнее, мой вам совет. Не век же ему ржаветь в лаборатории, думаю, рано или поздно ему доверят и семинары в первом потоке, а мы позаботимся, чтобы доверили, вот вы и присмотритесь. Домой его пригласите, сами понимаете, дружеская встреча коллег за рюмкой...

– Это совет или задание? – перебил я.

Сашка осклабился:

– А что, есть разница?

Я начал считать до десяти. Очень может быть, что личина нахального сопляка, давно засевшего у всех в печенках, и удачна, не мне судить, только меня она раздражает. Если они там все таковы, тогда я ошибся адресом. Боюсь, что когда-нибудь этот тип доведет меня до применения подручных средств, будь он хоть трижды офицером нацбеза. Боюсь, что он сам этого хочет.

– Ясно, шеф, – сказал я. – Будет сделано, шеф. Непременно.

Сашка равнодушным щелчком сшиб со стола толстую жу-желицу. Отлетев рикошетом от стены, насекомое упало на спину и засучило лапками.

– Нечисть, – брезгливо сказал Сашка. – Везде нечисть, что в людях, что вокруг. А ты еще смеешь паясничать. Что за на-

род пошел: плюнешь в рот – драться лезут... Ты мне скажи: когда ты в последний раз видел обыкновенного таракана?

– Ладно, молчу, – сдался я. – Один вопрос. Есть ли хоть какие-нибудь признаки того, что у нас в преподавательском составе действительно находится адаптант?

– Допускаю, что не в преподавательском, – сказал Сашка. – Возможно, в административном. Хуже всего, если в сорткомиссии.

Я машинально потер подбородок. Все-таки воображение у Сашки есть, зря я ему хамил. Даже страшно подумать, чем это может кончиться – адаптант в сорткомиссии. То-то последнее время у нее столько брака, а то ли будет... Одного адаптанта в сорткомиссии хватит, чтобы развалить институт до основания – а вот зачем, спрашивается? Мешает он ему? Глобальная Энергетическая ему поперек дороги? Концы с концами не сходятся. Да нет, все это какая-то зловредная чепуха, не может адаптант прикидываться человеком, а если может, то он и есть человек...

– А признаки? – спросил я.

– Будут признаки, – сказал Сашка. – Вчера убили Ржавченко, и это ты, конечно, уже знаешь. На прошлой неделе факультет потерял еще двоих: Цыбина и Андреева. Мало?

Я промолчал. Учитывая динамику роста числа убийств в черте города, аргумент звучал слабо.

– Тело Цыбина найти пока не удалось, – продолжал Сашка. – Зато с Ржавченко получается любопытная картина. Он

был убит выстрелом с большого расстояния, при вскрытии обнаружены микрочастицы ртути и достаточно большой для экспертизы осколок пулевой оболочки. Стреляли из карабина метров с трехсот, а потом кому-то очень понадобилось, чтобы все выглядело так, будто Ржавченко не сумел отбиться от уличной стаи. Аналогичная картина с Андреевым, разница только в том, что его начали кромсать еще живого. Как видишь, противник знает о нашей деятельности и принимает достаточно жесткие контрмеры.

Это уже звучало убедительнее.

– Может, это и не моего ума дело, – сказал я. – Эти трое, они... они тоже?

Сашка пристально посмотрел на меня.

– Андреев – нет, – сказал он, помедлив.

Следовало понимать так, что Цыбин и Ржавченко – да. Очень мило. Кстати, Цыбин входил в сорткомиссию, это надо взять на заметку. Куда он, бедняга, только не входил: шустр был и карьерист неудержимый, получивший за неустрашимую прямолинейность прозвище Торпедный Катер – это среди тех, кто успел отскочить, а те, кому досталось локтем, называли его не иначе как Сучьей Выхухолью, и эта зоологическая небывальщина, надо сказать, прекрасно соответствовала... Наверняка он и к Сашке первым подплыл, не дожидаясь приглашения. А сколько еще народу играет в эти игры? Вряд ли мне стоило пыжиться, полагая себя пупком Земли, таких пупков здесь убивают ртутными пулями...

– Судя по всему, Андреев шел к нам, – сказал Сашка. – Мне бы очень хотелось знать, что он имел в виду нам сообщить.

Мне бы тоже.

– Мало ли в кого стреляют, – сказал я. – В меня, например.

– Когда? – напрягся Сашка.

– Последний раз неделю назад.

Он тут же потребовал выкладывать все, и мне пришлось выложить. Короче, шел я тогда к Дарье, и было уже довольно поздно, довольно сумрачно и абсолютно пустынно. Звука выстрела я не слышал, а когда рядом со мною шарахнуло по забору так, что брызнула бетонная крошка, сориентировался и не стал гадать, что бы это могло быть, а разумно кинулся прочь – бессистемными перебежками, как учили. Выяснить, откуда был сделан выстрел, мне не удалось – скажем прямо, оценив ситуацию, я вовсе не горел желанием подставлять себя лишний раз. Стрелять могли откуда угодно.

– Ртутная пуля? – спросил Сашка.

– Нет. Вероятно, «пила».

– Был только один выстрел?

– Кажется, да. Да. Один.

– Почему не доложил сразу?

– Не знал, что это тебя заинтересует. Да и не в первый раз.

Сашка пододвинул к себе недописанную кляузу и стал черкать на ней закорючки. Таким серьезным я видел его прежде только однажды: когда ему удалось убедить меня со-

трудничать.

– Как по-твоему, это случайность?

– Да, – сказал я.

– Может быть, и так, – задумчиво сказал Сашка. Помолчал, поиграл брелочком. – Может, и так... Мы, конечно, проверим. В дальнейшем о подобных происшествиях изволь докладывать немедленно. Разрешаю использовать запасной канал связи. Ясно?

– Вполне.

– Повтори.

– Станут убивать – начну плакаться. Пожалуюсь дяде по запасному каналу. Это все?

– А ты не хохми, – сказал Сашка. – Когда получишь пулю в брюхо, вот тогда и нахохмишься вдоволь. А пока утихни и не маячь. Шанс у тебя есть. Твои обязательства перед службой безопасности нигде не зафиксированы. О тебе знаю только я и мое непосредственное руководство, следовательно, утечка информации полностью исключается. Делай свое дело, но в лаборатории без крайней необходимости не появляйся. Это приказ. Лучше всего придумай себе болезнь и посиди дома дня два-три. Если понадобится, тебя найдут. Мы еще не знаем всех возможностей этого оборотня.

– Понятно, – кивнул я. – А если Вацек попросит зайти и помочь?

– Тогда зайдешь и поможешь. Немедленно после этого – подробный отчет. Не так, как ты привык, а максимум ин-

формации. Да! – Он вдруг откинулся на стуле, царапая затылком стену, и ухмыльнулся. Одновременно погасли глаза кошки-брелока. – Так вот я ей и говорю: куда ты, мол, дура, лезешь, на хрен ты мне сдалась, ты на себя в зеркало, говорю, посмотри, жертва напалма...

В дверь просунулся Вацек.

– Сергей Евгеньич, там этот студент опять не подготовлен, что с ним делать?

– Гнать, – сказал я.

– А может быть...

– Что?

– Может быть, вы сами...

А, чтоб вас всех...

Я шел к автостоянке и размышлял о грустном. Во-первых, я думал о том, что носки у меня с утра мокрые, а месить подошвами снег очень и очень противно. Во-вторых, думал я, мне почему-то не было напомянуто о том, как и почему моих родителей вывезли на Юг раньше зятя Аллы Хамзеевны, а также о том, куда их не в пример другим вывезли, и это было странно, учитывая, что на сей раз я не оправдал и не каюсь. Я ждал такого напоминания, да что там – не напоминания я ждал, а вульгарного начальственного нагоняя, как мальчишке, и фрикций носом о шершавый стол. Похоже, Сашка решил, что еще не время, а может быть, просто учел глубинные психологические изъяны Сергея Самойло. Ну-ну. Этот Самойло, знаете ли, такой фрукт, его, конечно, можно сунуть в грязь доцентской мордой, но только до определенной уровневой отметки, а дальше он становится жутко обидчив и социально опасен, и прецеденты, думал я, Сашке безусловно известны. В-третьих, думал я, почему они привязались именно к Вацеку? Сестра в адаптантах? У меня, например, родная тетка в олигофренах и соплива до невозможности, а о семейном моем положении лучше вообще молчать. Так почему не я? Нет, им нужен Вацек, а зачем – то мне знать не дано, то великая тайна сыскной алхимии. Им всем спать не дает троянская лошадь. Нет, не по мне эта работа, мне-

то никакие лошади спать не мешают, и Вацека я им не отдам, чего бы мне это ни стоило. Вот так. Нужно быть совсем слепым, чтобы не понять, что Вацек беззащитен, и играть с ним в наши игры просто подло, я так считаю. Хуже, чем бить лежачего.

А вот выпить с ним я, пожалуй, выпью. Можно и с «глазом» за лацканом, пусть Сашка утрется. Тут нет ничего страшного. Сдал – принял. В архив.

Туман с Красноказенной куда-то пропал, зато опять задул ветер и снег сыпал с остервенением. К завтрашнему утру опять навалит по колено. Я выбрал и сунул охраннику наиболее мятую купюру, отыскал на стоянке свой «Рейс-марлин», механически смахнул с защитной пластинки на дверце налипшие хлопья и сдвинул пластинку вбок. Оставалось только воткнуть палец в отверстие папиллярного идентификатора, и я чуть было не воткнул.

Это не было шестым чувством. Просто я нагнулся посмотреть, не попал ли в отверстие снег.

Из отверстия идентификатора торчала игла.

Наверно, секунды две я стоял в остоленении, дурак дураком. Мишень мишенью. Потом сообразил присесть, натянул перчатки и бережно вытащил иглу. Она легко поддалась. Через секунду я уже сидел за рулем, но позволил себе отдышаться лишь после того, как нашел нужный рычажок и прозрачные экранирующие щиты прямо-таки выстрелили из своих ниш. Та-ак. Пули мне теперь от вас не ждать, ни ртут-

ной, ни «пилы», если только вы не окончательные идиоты. Не знаю, ребята, кто вы такие, но в последовательности вам не откажешь, вот что я вам скажу. Цыбин, Андреев, Ржавченко... теперь, значит, Самойло? Прямо-таки стиль Борджиа, за что такая честь? Человек накалывает палец и очень спокойно, очень мирно опускается на снег, где и лежит себе, пока о него случайно не споткнутся, полузанесенного и твердого, как оглобля. Или, скажем, так: человек ложится на снег, и минуту спустя его уже рвет на мелкие фрагменты подоспевшая стая... Как Ржавченко. Я огляделся по сторонам. Естественно, никого не было. Тогда я стал рассматривать иголку. Это была самая обыкновенная игла от швейной машинки, с ушком у самого жала. С тупой стороны налипла какая-то вязкая дрянь – похоже, клей скорее замерз, чем схватился, и теперь не спеша оттаивал. Хорошего клея не нашлось? Я выдернул из записной книжки чистый лист, смастерил из него кулек и как можно тщательнее упаковал свою добычу. Пусть Сашкины коллеги разберутся, какой именно гадостью меня намеревались спровадить на тот свет. А еще я бы не возражал, если бы они разобрались с вопросом, кто именно хотел это сделать.

Сначала ничего не было, только досада. Я сидел в машине, даже забыв завести двигатель, и очень жалел, что бросил курить. Досада была оттого, что Сашка оказался прав, а я, выходит, вел себя как последний кретин. Потом пришел страх – тоскливый, потный, с мурашками по коже. Просто страх, без

мысли и без движения. Я прогнал его, но не почувствовал заметного облегчения. Из человека, которого могут убить в принципе, я превратился в человека, которого хотят убить целенаправленно. Это не бодрило. Зато теперь я знал ответ на вопрос, надоело ли мне жить. Теперь мне как никогда хотелось скончаться от тяжелой и продолжительной, причем в чрезвычайно отдаленном будущем.

Аминь.

Я прогрел двигатель и без спешки выехал на Красноказенную. Конечно, раз уж пошли такие игры, под баком с метанолом вполне мог оказаться сувенир фугасного действия, но выбирать не приходилось. Не слишком приятно в этом сознаваться, но сейчас мне очень хотелось оставить машину, где стояла, и немедленно вернуться в лабораторию, к Сашке. Под крылышко. Кстати, было бы интересно посмотреть, как он прореагирует на иголку.

Разумеется, я этого не сделал.

На улице пришлось прижимать машину к самому бордюру – экскаваторщики трудились в поте ковшов. Добравшись до конца раскопок и поймав наконец сигнал Единой Дорожной, я запустил обычную программу и задумался. Подумать было о чем. Прежде всего я сильно засомневался в том, что неделю назад по мне стреляли просто потому, что какому-то стайному выродку приспичило пристрелять свой карабин. Следовало понимать так, что на доцента Самойло началась охота и теперь меня ударными темпами начнут выводить из

обращения. Я стал дичью, еще не зная, кто охотник. А может быть, не охотник, а охотники? Очень может быть. Вернее всего так, что этот оборотень контактирует с какой-то местной стаей, если только не совмещает функции ее руководителя и мозгового центра. Похоже на то. Нормальным адаптантам еще мог прийти в голову фокус с иглой, только они ни за что не стали бы прятаться, когда стало ясно, что трюк не прошел. Они постарались бы разделаться со мною тут же, на автостоянке, а то, что за защитными листами меня достать не так-то просто, пришло им в головы существенно позже. Изуродовали бы машину, зато я знал бы их в лицо. Нет, кто-то был рядом, кто-то их удержал. Кто? Хороший вопрос. Кто вообще может заставить адаптанта делать то, что ему не хочется? Если эту сволочь до сих пор не смог вычислить Сашка, то что, спрашивается, могу я? Придумать себе вывих голеностопа и отсиживаться у любовницы? И до каких пор?

Настроение было препоганое. Между прочим, мне пришло в голову, что Дарья тут ни при чем и втягивать ее в это дело не стоит. Так... а куда тогда ехать? К себе? Гм... К Мишке Морозову? Нет уж. Моя рука без толку зависла над гнездом с утонувшей в ней программ-пластиной, а потом я вспомнил, что Цыбин, Андреев и Ржавченко были убиты не дома, а на улице, причем все трое в сравнительной близости от института. Очевидно, радиус действий оборотня ограничивался охотничьими владениями местной стаи. Это было уже кое-что. Правда, если уж быть до конца последователь-

ным, не мешало бы признать и тот факт, что в меня-то стреляли отнюдь не около института, а совсем даже наоборот...

Я ехал к Дарье.

В конце концов, почему я решил, что меня собираются убить? Возможно, меня просто хотели напугать.

Под пятки уносился асфальт. На шоссе было свободно, даже чересчур. Далеко впереди маячила гузка какой-то легковушки, и дважды мой «Рейс-марлин» обгонял семейные трейлеры для дальних перевозок – из тех монстров, в которые при большом желании можно впихнуть целиком квартиру вместе со стенами. Уезжают люди из Москвы, уезжают. И правильно, конечно, делают. Из пятнадцати миллионов к нынешнему лету осталось едва четыре – людей я имею в виду, включая сюда и дубоцефалов. Адаптантов, понятно, никто не считал.

Справа от шоссе торчала шеренга стандартных жилых сорокаэтажек, похожая на челюсть с зубами через один, и меня замутило, когда я машинально попытался сообразить, сколько же здесь может жить дубоцефалов; слева как раз пронесло мимо вагоноремонтный завод имени Ростроповича. Тут над ухом оглушительно взвякнул сигнал и одновременно виолончельным секстетом завопили тормоза. Очень мило. Я выругался от души и вслух. Знаем мы эти штуки. Когда в Единой Дорожной вдруг ни с того ни с сего возникает сбой, машина сама должна погасить скорость и припарковаться. Тут ей лучше не мешать. Она ни в коем случае не врежется в

ограждение или другую машину; она ни за что не собьет пешехода; она даже не раздавит любимую болонку того пешехода, поскольку имеет распознаватель зрительных образов с обширнейшим регистром памяти, и болонка, не говоря уже о доге, в этот регистр входит. Туда, как я неоднократно имел случай убедиться, входит великое множество всяких предметов, подчас самых неожиданных.

Кроме, как выяснилось, сугроба.

В примитивные мозги частного автомобиля не укладываются подобные случаи, и мысли у этих мозгов, если только они мысли, а не что-то другое, нисколько не лучше, чем у махрового толстолобика, – самодовольным всезнайством с боков сплюснутые, здоровым смыслом сверху припечатанные. Если трасса не отапливается, она должна расчищаться, и все тут. И никаких сугробов. Их и не бывает, поскольку трассы действительно расчищаются. А если сугроб все же есть, значит, это или ошибка снегоеда-автомата, или... Или, вернее, это работа уличной стаи.

Вот только этого мне сейчас не хватало.

Минут пять я пытался выбраться задним ходом, нервно облизываясь и оглядываясь по сторонам. Мой сарай на колесах, раскидав половину сугроба, не желал расставаться со второй половиной. Ему было там хорошо. Мне – нет. Стая адаптантов могла свалиться мне на голову в любую минуту. Умом я уже понимал, что если на меня не кинулись сразу, значит, их здесь просто нет и все это не более чем ду-

рацкая случайность, – но то умом, а этажом ниже, на уровне павловских рефлексов, царила во всей своей первобытности классическая паника. Между прочим, существуют очень действенные форсированные способы добыть человека из запертой машины, и самый простой из них – канистра с метанолом и спичка. Адаптанты любят яркое.

Но пока все вокруг выглядело очень обыкновенно, и мимо подъезда ближайшей сорокаэтажки даже проковылял какой-то очень обыкновенный старый дед в очень обыкновенном мышинном пальто и побрел куда-то тоже очень обыкновенно – поминутно озираясь. Движение на шоссе восстановилось. Изредка мимо меня, никак не реагируя на мои сигналы, проскакивали шустрые «Корсаки», солидно катились трехдвигательные «Эребус-экспрессы» – сразу видно, что на ручном управлении, – а один раз совсем рядом, урча и содрогаясь от невостребованной мощи, проплыл слоноподобный карьерный самосвал из тех, на которых тщатся вывезти снег, и сверху на меня глянуло равнодушное лицо водителя. Никто не рискнул остановиться, и я очень их понимал. Но теперь мне мечталось насовать им всем в морду.

А сам бы ты остановился в такой ситуации? Вместо ответа я стиснул зубы и еще раз попытался выбраться. Н-да... Вопрос. Вне города – да, безусловно. А вот в городе...

Так чего же ты, спрашивается, сигналил?

Я подпрыгнул на сиденье, когда с правой стороны неожиданно раздался стук в дверцу. Слава богу, это оказался

тот самый обыкновенный дед. Морщины на нем тоже были обыкновенные – на лице и на мышином пальто, только разной глубины. Пожалуй, на лице глубже. Кожа была ему велика. Я рискнул убрать правый щит и опустил стекло.

– Ну?

– Вам помочь? – Либо дед отморозил челюсть, либо изъяснялся с акцентом.

– ?..

– Вы в затруднении.

Помочь? Хорошее дело. Если бы со старикашки и впрямь в соответствии с фольклором сыпался песок, я бы его использовал. Но песок с него не сыпался. Вытолкнуть машину вручную нам тоже никак не светило. Тут нужно человек пять.

– Ничего, обойдусь.

– Вам лучше повернуть колеса, – он показал рукой, как это делается. – Мне кажется, тогда у вас получится...

Я был готов изо всех сил лупить себя по лбу. Забыл! Со всем забыл, дичью стал. Нервной дичью, пугливой. Я развернул все шесть колес ортогонально продольной оси, включил эксцентрики, и мой «Марлин» боком выполз на трассу. Этот крабий ход – он и называется «краб» – специально придуман для парковки в таких местах, где не развернется и велосипед, а я вот напрочь выбросил его из головы и не использовал черт знает с каких пор – наверно, с тех самых Ревущих Пятидесятых, когда автомобилей в мегаполисе было больше раз

в пять, если только не в десять. И времечко же было – тогда словечко «адаптант» только-только начало входить в общепотребительный жаргон, что очень не нравилось Комиссии по правам, а кое-какие умники еще находили удовольствие по инерции острить, что человек-де в городе не человек, а не более чем брелок к ключу зажигания. Старо, ребята! Теперь у венца творения иной статус. Теперь венец творения, сидящий в машине, не брелок, а начинка. Иногда – лакомая. А Единая Дорожная сбоят, сволочь, специально способствуя тому, чтобы эта начинка была еще и доступной.

Кстати, судя по отсутствию сигнала, система все еще не работала.

– Спасибо! – Я высунулся в окошко. – Огромное вам спасибо. Э-э... Может быть, подвезти?

– Да, – дед закивал, явно обрадовавшись. – Да, с большим удовольствием. Я вам признателен.

Я мысленно чертыхнулся и распахнул дверцу. Никто ведь за язык не тянул, сам виноват. Старикан суетливо и как-то очень неловко протиснулся в машину, подобрал пальто и угнездился рядом со мной. Я проследил, чтобы его не прищемило защитным листом.

– Пристегнитесь.

– О? Ах да, сейчас... Где же это есть?.. Вот так? Теперь корректно?

Странный у него акцент.

– Бойль, – сказал он.

– Что?

– Святослав Меррилл Бойль. Э-э... Святослав Теодорович. Бойль. Я представляюсь.

– Ясно, – по-идиотски сказал я. – А где Мариотт?

Старикан заморгал сильно прореженными ресницами.

– Простите, я как-то не совсем...

– Ничего, – сказал я. – Это я шучу. Очень приятно.

– Приятно шутить?

Я отмолчался. Трудно разговаривать с бестолковыми. Мы проскочили под линией надземки и свернули влево. Тут былолюдно. Со стороны Тувинской двигалось, сворачивая на Золотарную, какое-то христианское шествие и качались мерзлые хоругви, а слева на пространстве от Междурядной до Новорожонной толклись сразу две толпы. В первой был проповедник, время от времени вздевая длани туда, где, по его понятиям, пряталось за облачными слоями светило, и, подвывая в унисон, в облаках выдыхаемого пара качались в трансе язычники. Это теперь модно. Рядом бурлил митинг Лиги Перемен, собирающейся, как следовало из транспарантов, принудить правительство к установлению для всех без исключения жителей Земли Всеобщей Территориально-Климатической Справедливости путем уменьшения угла наклона оси вращения планеты к эклиптике. Чувствовался общий боевой настрой, и абсолютное преобладание дубоцефалов в обеих толпах бросалось в глаза без всякой оптики. В переулке, скромно приткнувшись к обочине, пребы-

вали малый полицейский броневик на воздушной подушке и с вертящимся многоствольным газометом на крыше, полицейский же фургон с решетками и двухэтажный автобус «Скорой помощи» – ждали начала драки. Может быть, полиции сегодня удастся взять одного-двух адаптантов – и то хлеб. Наше счастье, что далеко не все адаптанты успели объединиться в стаи.

Если бы все – тогда...

– Что они делают? – спросил Бойль. Он крутил головой так, будто впервые это видел. Интересного типа я к себе посадил.

– Вон те? Молятся Яриле, или кто там за это ответственный, чтобы Солнце грело пожарче. Им недостаточно.

– А вам? – немедленно спросил он.

– Мне тоже...

– Тогда почему же вы не молитесь?

Кажется, этот дед поставил себе задачей надоест мне как можно быстрее.

– Вас куда подбросить? – спросил я.

– Подбросить? – Он заморгал и посмотрел вверх. – Зачем?

– Подбросить – в смысле подвезти. Это идиома.

– А, да-да. Куда-нибудь. Где можно жить.

Час от часу не легче.

– Я ищу, где можно жить, – уточнил он. – Отель или квартиру. Все равно.

Это уже конкретнее.

– Вы приезжий? – спросил я.

– Из Кембридж, – сказал он. – Я соотечественник. Мой багаж в... эйрпорт.

Мы вынеслись на набережную, и на повороте противно завизжали шины.

– В аэропорту, – сказал я. Он кивнул. Все равно было непонятно, почему он искал отель возле вагоноремонтного завода и вообще как он там оказался в своем жеваном пальто. Но тут его прорвало, и он затарахтел как заводная шка-тулка, без умолку. Что-то о том, на какую долю он русский, а на какую просвещенный мореплаватель, и как он всю жизнь хотел здесь оказаться, и его родители тоже хотели, и почему он не мог приехать раньше, а теперь вот приехал и очень рад, потому что перспективы работы в Институте антропологии Академии наук, потому что давняя мечта вернуться именно с этими перспективами... Ну и ладно. Я слушал вполуха: пока машина шуршит по набережной, отвлекаться вредно для здоровья. Тут есть пара таких мест, куда нога человека не ступает без острой необходимости. Вот, кстати, первое...

Пусто. Никого нет. Даже как-то странно.

– У нас лучше? – спросил я.

Он не сразу понял. Потом приподнял костлявые плечи, почему-то сперва одно, потом другое. Это выглядело забавно.

– Везде одинаково.

– А-а, – сказал я, следя за дорогой и особенно за обочи-

нами. – А как там одинаково?

– Туман, – сказал старик. – Туман, смог. Как в девятнадцатом столетии, даже хуже. Только снега не так, как здесь. Иногда тает.

– Да здравствует Гольфстрим, – кивнул я. – А адаптанты?

Он только пожал плечами – опять поочередно. Очевидно, хотел сказать, что этого добра и там хватает.

– Как вы думаете, они все-таки люди?

– Что вы имеете в виду? – спросил он. – Генетически или социально?

– Генетически. Социально – тут все ясно.

– Вряд ли, – подумав, сказал Бойль. – Э-э... вряд ли ясно.

С обыденной точки зрения они, разумеется, не люди, а... изродки. Я правильно сказал? Выродки? Да-да, именно выродки, благодарю вас, я оскзался... Оговорился? Да-да. Однако по их социальному поведению их, вероятно, все еще следует относить к людям, нравится это нам или нет. Пусть к самым отвратительным людям, какие когда-либо оскверняли земную поверхность, но все-таки, извините, к людям...

– Ничего себе, – мрачно сказал я. – Не оскажитесь так где-нибудь в людном месте. Могут быть неприятности.

Бойль обеспокоенно повертел головой по сторонам:

– А где отель? Или как это... гостиница?

– Зачем вам гостиница? – возразил я. – Платить еще, а за что? Сколько угодно покинутых квартир, встречаются и с мебелью. Выбирайте любую.

Он с подозрением посмотрел на меня:

– А это вполне корректно?

– Вполне, – уверил я. – Наймите кого-нибудь выломать замок, если заперто, и вселяйтесь. Если хотите, можете зарегистрироваться в местном департаменте, хотя теперь это, наверно, не обязательно... Только не забудьте укрепить дверь и не расставайтесь с оружием. У вас есть какое-нибудь оружие?

Хоть удавись, не был он похож на сына Альбиона. Скорее напоминал Георгия Юрьевича, Дашкиного соседа по лестничной площадке, этот могиканин недавно оборвался в шахту вместе с лифтом, не получив при этом никаких повреждений, кроме почему-то инсульта, и твердо намерен выздороветь. Он из бодрых старичков, из настырного племени беспробудных энтузиастов и изобретателей промышленного использования ушной серы. Совсем старый хрен: он не то что первую перестройку – он Брежнева помнит! Крепкое выдалось поколение, дуракоустойчивое. Как-то раз за коньячком – лакали вчетвером скромно, но неумеренно: я, Дарья, он и его внучатый племянник, стопроцентный лощеный менеджер, белый воротничок – он рассказал нам анекдот без бороды (какая там борода – выпала давно, и зубы выпали). Кто есть Брежнев? Мелкий-де политический деятель эпохи Аллы Пугачевой. Вот. И, рассказав, задрбезжал соседушка хлипким старческим смешком, заперхал – коньяк не пролил, и то слава богу.

Он думал, что нам будет смешно. Мне было не смешно. Он думал, что кто-нибудь из нас спросит про Брежнева, и уже облизывался, предвкушая, как выдаст нам всю подноготную про него, про первую перестройку, про вторую диктатуру, да и про третью тоже. Я не спросил. Белый воротничок – тот вообще встал и ушел, пошатываясь, в уборную по своим воротничковым делам.

А Дарья вдруг спросила, кто такая Пугачева.

– Нет у меня оружия, – с достоинством сказал Бойль. – И не надо.

Ну-ну.

На приборной панели сигнал Единой Дорожной опять мигал всюду, но я продолжал вести машину сам, следуя житейской банальности: из всех глупостей, какие в данный момент можно совершить, выбирай наименьшую. Правда, в центре можно было не трепыхаться насчет адаптантов. Тут их не держат. Если бы и держали, то здесь, между красной стеной и санным памятником на площади боярина Кучки, делать им все равно нечего, здесь все просматривается насквозь, как в институтском коридоре. По-моему, что эта стена в крупный зубчик, что гранитные сани с боярином одинаково действуют на адаптантов как хороший репеллент. Не пойму, в чем тут дело, какой-то угловатый стык зоологии с урбанистикой, не моя это область. Существует распространенное мнение, ни на чем, кроме здоровой логики, не основанное и потому вряд ли верное: весь центр города – не что иное, как штаб-

квартира некоей невероятной сверхстай, ее дом, а дома, как известно, не гадают... Здесь здравая логика дает сбой: адаптанты гадают где угодно. Не знаю, не знаю. Главное, что в центре почти безопасно, зато дальше, перед въездом на эстакаду и особенно потом, в Южном туннеле... Скверное место этот туннель, но в объезд еще хуже.

– Так вы, стало быть, антрополог? – спросил я Бойля – во мне пробудился интерес. Он закивал и опять завел свою механическую шкатулку. Да, ему, даже не являющемуся, по прискорбному недоразумению, членом Королевского общества, без всякой ложной скромности удалось кое-что сделать в этой научной дисциплине, и хотя его работы по физиологии адаптантов, строго говоря, нельзя назвать основополагающими, поскольку бесспорными лидерами в этой области знания являются Дюфэз и Вержицкий, а также следует отметить блестящую статью Земанека, Гейнике и Гешке в недавнем специальном выпуске «Природы», но тем не менее феномен адаптантов открывает столь значительные перспективы для исследования, что можно рассчитывать на получение близких и значимых результатов, которые помогут прояснить ряд до сих пор непонятных моментов, что, в свою очередь... и т. д., и т. п. Пока все это была ушная сера. Я терпеливо дослушал до конца.

– Мне бы хотелось как-нибудь с вами встретиться, – сказал я, – поговорить. Это возможно?

– Э-э... нет, извините, – сказал он. – Вряд ли. Я ожидаю,

что в ближайшие дни буду занят.

Правильно. Я одобрительно взглянул на Бойля. Молодец. Пресекать праздное любопытство посторонних – дело святое.

– Можете пожить у меня, – поколебавшись, предложил я. – Квартира свободна, я теперь там редко бываю. Это тут недалеко, – я поискал в кармане карточку. – Вот адрес. Этот вариант вас устроит?

– Да, – он заметно обрадовался и оттаял. – Безусловно, устроит, я вам очень признателен. Но как же вы?

– Я же сказал: я там не живу. Может быть, навещу вас как-нибудь, и только. Договорились?

Как же, так я и выпустил антрополога. Я сделал небольшой крюк, завез Бойля к себе, перекодировал дверной идентификатор под его палец и дал краткую инструкцию: никому ни под каким видом не отпирать, а буде объекты его научного интереса начнут крушить дверь – вызывать полицию и баррикадироваться; если же не поможет – пощады, упаси боже, не просить, а брать в руки подручное средство, вот этот специальный железный прут, и лупить сволочей прямо в морду, это может произвести впечатление. Клин клином, только так.

Он вежливо поблагодарил, изображая, что понял. Черта с два он понял. Такие, как он, ни за что не станут бить железным прутом по лицу даже адаптанта, я их знаю. Им почему-то кажется, что они не должны-де уподобляться и ронять

свое человеческое достоинство, они ждут, когда их достоинство уронят другие. Нет, я уважаю эту странную вымирающую породу, но вымирать такими темпами да еще в самом буквальном смысле – это уже, извините, слишком. Это не по мне.

И все-таки он был подозрителен, этот Бойль. Я вел машину, пробираясь сквозь заворот центральных уличных кишок, и ругал себя последним идиотом. Дурак я был, прямо-таки непроходимый дурак, вечнозеленый лопух самой классической разновидности. Это надо же придумать: взрослый человек, с виду вполне вменяемый, ни с того ни с сего поселил к себе какого-то сомнительного реэмигранта, подобранного на улице, а кто его знает, что он за тип, документов у него я не спрашивал. Расскажешь кому – ни за что не поверят. И лучше, конечно, никому об этом не рассказывать.

Эстакаду я проскочил довольно лихо, зато после нее все и началось. Улица-колодец, сжатая мертвыми домами, была совершенно пустынна, и мне это сразу не понравилось. Не люблю таких улиц, да и кто их любит, а тут еще впереди на дороге показался невесть откуда взявшийся снежок, и это мне понравилось еще меньше. На всякий случай я снизил скорость: если здешняя стая ведет охоту по своей обычной схеме, у меня есть немалые шансы уйти живым.

Вот они! Там же, где и в прошлый раз. Раздирающий треск моторов – такое впечатление, что разом со всех сторон и некуда деться. Ну, это обман зрения. Теперь главное – не суетиться и понять, что тут к чему, непременно понять, слишком многое от этого зависит, слишком многие накрылись из-за того, что здесь все решает отнюдь не скорость реакции...

Что ни говори, а согласованность действий у этих ребят всегда на высоте. Не успел десяток мотоциклистов впереди занять свои позиции, как я был уже отрезан и сзади: там их оказалось раза в полтора больше и вдобавок из переулка выруливал приземистый квадратный джип с открытым верхом, до отказа набитый какими-то холодоустойчивыми мордами. Нормальный человек в таком джипе околел бы через пять минут, а этим, судя по всему, было вполне комфортно, и один из них, лениво привстав и щерясь, пустил мне вслед

пулю – поторапливал. По кормовому экрану коротко стукнуло. Все было в точности как в прошлый раз, совсем не делают выводов, а еще адаптанты.

Газ – до отказа. Теперь пора. Только зря вы, гаденыши, думаете, что я буду прорываться вперед, зря вы расступаетесь, мне совсем не хочется портить резину о ваши колючки под рассыпанным снежком. В сущности, ваша тактика рассчитана на ненормальных, колесящих по этим местам на автоматическом управлении, таких чудачков, вопреки Дарвину, еще достаточно много. Расчет на то, что нет времени переключиться на ручное.

Тормоз – руль влево! Кажется, я кого-то задел. Тем хуже для задетого. Машину с визгом занесло и развернуло на месте. Вот теперь я буду прорываться, и хотел бы я, ребята, посмотреть, как вы меня остановите...

Ну так и есть. Все врассыпную, даже джип. Кто-то справа, зажав мотоцикл под тощей задницей, попытался достать меня очередью навскидку – не по скатам даже, по экранирующим щитам! Дурачок. Я пронесся впритирку с вихляющим джипом, очень жалея, что никто из адаптантов не выпал мне под колеса, и рванул по улице. На секунду мелькнули чьи-то бешеные глаза. Мотоциклы за спиной взревели. Конечно, от меня так просто не отвяжутся, инстинкт преследования у адаптантов в крови – у стайных садистов, во всяком случае, – но теперь они вряд ли меня достанут. Можно, конечно, рискнуть шинами и увести стаю вправо от эстака-

ды, там у супермаркета обычно стоит полицейский кордон, – а можно и не рисковать. Лучше, конечно, не рисковать. Я ошупью пошарил между сиденьями и нащупал хорошо спрятанную кнопку. Прекрасная вещь этот распылитель, коллоидная взвесь еще позволяет кое-как дышать, зато мгновенно и надолго глушит любой мотор, вот только властям это объяснить трудно – похоже на то, что закон, запрещающий устанавливать распылители на частных автомобилях, принимали в расчете на граждан какого-то несуществующего в природе общества.

Оторваться мне, конечно же, не удалось, я и не надеялся. Мотоциклы у этой стаи были что надо. Я пропустил первый переулочек – не стоило вырабатывать у стаи условный рефлекс, – пропустил второй и, чуть сбросив газ, нырнул в третий, очень надеясь, что он не оканчивается тупиком. Слава богу, переулочек был как переулочек, сквозной. Я подождал, пока в него втянется вся стая, и аккуратно утопил кнопку. У моего «Марлина» сопло распылителя выведено в глушитель, и это плохо: очень узкий конус выброса, на широких улицах невозможно охватить всю стаю. Но, придумав улицы, человечество придумало также и переулочки, и очень хорошо сделало.

Естественно, они стреляли, но крайне бестолково, видимо, от растерянности, и только одна пуля расплющилась о кормовой щит. Вообще, адаптанты, что бы там ни говорили, не слишком доверяют огнестрельному оружию, они предпо-

читают наброситься скопом и растерзать, по возможности голыми руками, вот тогда они получают полное и настоящее удовольствие. Но теперь в другой раз, ребята... Когда-нибудь мы до вас, зверья, все-таки доберемся, и крепко доберемся... Дождетесь. Я аккуратно выехал на параллельную улицу и чуть не рассмеялся, но сразу приумолк и посерьезнел: позади, черт возьми, все еще тарахтело. Метрах в ста за кормой из переулка вылетел одинокий мотоциклист, тормознул, развернулся на заднем колесе и рванул за мной так, что едва не вылетел из седла. А, черт!.. Все-таки один проскочил, давно было пора сменить баллончик с коллоидом, я так когда-нибудь влипну в историю из-за собственного разгильдяйства...

Становилось интересно. Я не стал особенно гнать, и мотоциклист настиг меня в два счета. Позиция у него была удобнее некуда – сбоку и чуть сзади, – но, по-моему, стрелять по колесам он не собирался. По-моему, у него вообще не было из чего стрелять. Ну ладно. Пусть и мой тайничок останется нетронутым, не всякая дрянь заслужила расхода боеприпасов. Может, правильно делают славные наши законодатели, что по сию пору приравнивают к преступлению ношение доцентом Самойло оружия. И не надо. Доцент Самойло сам себе оружие.

Я затормозил прямо посередине дороги и не спеша вышел из машины. Как ни странно, мотоциклист тоже остановился – крутил по сторонам головой, щупал ногами асфальт и

нервно подгазовывал. Судя по всему, он только теперь заметил, что остался один.

– Ну что, спортсмен, – сказал я ему, приближаясь и взвинчивая себя, – желаешь сдать зачет?

Его лица я не углядел под шлемом, а вот тело было худое, мальчишеское. Пожалуй, выродку стукнуло лет пятнадцать-шестнадцать. Гаденыш, выкормыш стаи, сучий комбикорм. Если только он не удерет, мне не понадобятся никакие подручные средства...

И тут он снял шлем.

Одного взгляда было достаточно. Я плюнул и полез обратно в машину. Весь боевой заряд пропал даром. Дубоцефал! Это был самый обыкновенный юный дубоцефал; по слухам, их немало в уличных стаях, но погоды они там, разумеется, не делают. Нет, не собирался он меня приканчивать, ну разве что пнул бы разок-другой, и то если бы приказали. Ему не хотелось убивать. Ему хотелось мчаться за кем-нибудь на вздыбленном ревущем «Тарпане», пригнувшись к рулю в завораживающем азарте погони, и чтобы погоня подольше не кончалась, и чтобы тело было облито блестящей черной кожей, и чтобы ветер трепал эту кожу на складках... Разменная медь, расхожее мотоциклетное мясо.

Трогаясь с места, я сделал знак недоумку отстать, и он сразу отстал – должно быть, поехал выяснять, почему остался один и что это такое странное приключилось с родимой стаей. Дурак. Весьма вероятно, что его за неимением других

громоотводо́в тут же и убьют, причем не сразу, а с растяжкой удовольствия; стайные инстинкты – штука страшная, редко остающаяся втуне. Конечно, это уже не мое дело: дурак всегда был, есть и будет виноват сам в том, что он такой глупый, что бы там ни твердили генетики про папу и маму. Ничего похожего на угрызение совести я не чувствовал. Будь этот прыщ нормальным адаптантом, я бы его просто убил, задавил бы голыми руками, такая во мне сидела злость. Извини, дядя Коля, но я бы его убил. Правильно ты во мне усомнился, дядя Коля.

Я въехал в Южный туннель, насвистывая что-то бодренькое. Пятый час, а я все еще не дома! То есть не у Дарьи, но это одно и то же. Я попытался вспомнить, какой сегодня день – кажется, с утра был вторник, если только я не напутал с летосчислением. Это хорошо, что вторник, – значит, вечер наш. Дарья – учительница. По вторникам, средам и пятницам она с девяти до обеда охмуряет гимназистов, а по понедельникам и четвергам во исполнение Программы Интеллектуализации преподает в вечерней школе для отпетых дубоцефалов, учит этих великовозрастных сидеть прямо, не сутулиться и выводить по линейке: «Мы не козлы – козлы не мы», – или что-то в этом роде. Когда-нибудь это должно плохо кончиться: насколько мне известно, спецкоманды в той школе нет и не предвидится. Конечно, хоть и не хочется об этом думать, мы можем надоесть друг другу значительно раньше, но, пока этого не случилось, я каждый день буду вы-

ходить из института, спеша по хрустящему снегу, и ни на что не захочу смотреть, и ничего не буду видеть. Кроме дороги, бегущей под капот, кроме вот этих специальных небьющихся, но тем не менее всегда битых ламп, мелькающих над головой в Южном туннеле, а в перспективе – лифта, двери и четырех стен, достаточно теплых. Кроме Дарьи, отражающейся в зеркале, и себя около. Честно говоря, она выглядит настолько же лучше меня, насколько я лучше того дебила с мотоциклом, и мне от этого бывает не по себе. Но, в конце концов, если она выбрала меня, значит, я того стою, что бы я о себе ни думал. И я люблю, когда я около. Или над. Или...

Дальше мечтать стало некогда.

Все-таки я не успел – чересчур поздно уловил момент, когда лучи фар в брюхе туннеля начали дрожать и странно расплываться, а потом впереди вдруг вспыхнуло целое облако мельчайших радужных искр, какое бывает только от подсветки коллоидной взвеси. Отчаянно тормозя, я влетел в самую кашу, и радужное сияние сразу облепило машину со всех сторон. Мотор чихнул и простудился. Какие-то заскоружлые серые тени метнулись было навстречу, но сейчас же отпрянули в темноту, съежились и пропали. Будто растворились. И тотчас далеко, теперь уже очень далеко впереди мелко и внятно затопотали чьи-то спешащие ноги. Я оглянулся – так и есть: в туннель медленно, с низким тектоническим гулом вкатывался приземистый и широкий, как камбала, полицейский броневик. Вовремя.

Иногда приятно сознавать, что в полиции работает отнюдь не банда идиотов, по крайней мере броневик в кашу не полез, а, включив слепящий прожектор, замер в безопасном отдалении от радужного облака, и из его распахнувшейся утробы четко, по двое, посыпались люди в уродливых бронекombineзонах. Четверо, натягивая на ходу пулестойкие «морды», пробежали мимо, не обратив на меня никакого внимания, и скрылись впереди в черноте. Пятый остановился и побарабанил мне в дверцу:

– Выходите.

Я бы и без него вышел: коль скоро опасность миновала, торчать в машине не было никакого смысла. Моего «Марлина» уже цепляли тросом к броневику. Коллоид – штука сильная. На несколько часов машину можно было считать мертвой, да и потом первые пять-десять километров двигатель будет сбоить, приходя в себя, астматически задыхаться и временами трястись, как припадочный.

– Ваша машина? – спросил полицейский.

– Моя.

– Значит, ваша... А что вы в ней делаете?

Рано я полицию похвалил.

– Сижу, – сердито сказал я. – То есть сидел.

– Документы есть?

Впереди слышались приглушенные голоса, потом что-то лязгнуло, чмокнуло, раздирающе затрещало и донесся гулкий удар металла по пластику – там что-то ломали.

– Эй! – крикнул в черноту мой полицейский. – Что такое?

– Еще машина! – крикнули оттуда. – Крепко ее, сволочи...

Тут один убитый и еще, кажется, женщина. Сейчас вытащим.

– Жива?

– Хватил... Носилки есть?

Появились носилки. Я не стал смотреть. Когда говорят: «Кажется, женщина», – то смотреть уже действительно не на что. Оба тела унесли куда-то за броневик – очевидно, позади был еще автомобиль. Броневик заурчал, медленно пополз назад, и трос натянулся.

– Куда ее? – спросил я полицейского.

– Машину-то? Отбуксируем в участок, – он назвал адрес, – завтра получите.

– А может быть, вы ее отбуксируете в... – я тоже назвал адрес.

Полицейский смерил меня взглядом с головы до ног.

– Еще чего...

– Я заплачу, – посулил я.

– Еще чего, – сказал он. – Ты что, не видишь, что творится? Слепой? Тебя вот, если хочешь, подбросим, коли недалеко. Хочешь?

– Хочу, – сказал я.

– Зверье... – меня он словно не слышал и взгляд имел невидящий. – Сволочи поганые, чем дальше, тем хуже. Да что же это у нас делается, а?..

Я даже не вошел к Дарье. Я ввалился. Должно быть, примерно так же во все исторические эпохи вваливались после вылазки в свое логово человеческие самцы всех пород и достоинств, от насупленных троглодитов, выплевывающих на ходу из пасти чужую шерсть и влачащих по полу пещеры окровавленную дубину, до какого-нибудь заваливающего, зашивевшего в Палестине средневекового барона, громяющего иззубренным эскалибуром по осклизлым ступеням родимого донжона, – впрочем, и много позже процесс вваливания в логово не претерпел существенных изменений. Так что ввалился я по всем правилам, притом чувствуя себя кем-то вроде победителя. Почему бы нет? Времена меняются, и не я в этом виноват. Если в наше, извините, время и в нашем, еще раз извините, континууме человек вообще что-нибудь чувствует, он уже должен чувствовать себя победителем. Потому что живой. И, сообразно исторической традиции, он вправе последовательно требовать вина, мяса и женщин. Первого и второго – побольше, а женщину можно одну, но такую, как Дарья.

В ванной горел свет и шумела вода – Дарья была дома. Из боковой комнаты сдержанно гавкнули и застучали лапами по паркету – надо полагать, там маялся взаперти гладкий лощеный доберман Зулус и, судя по отсутствию подкроват-

ного шороха, там же пребывал морской свин Пашка, нахальнейшая тварь из всех грызунов его весовой категории. Я торопливо скинул куртку, скovyрнул, наступая себе на пятки, с ног ботинки и заспешил напрямиком к бару. Пусть даже никакой я не победитель, куда там, пусть все мои сегодняшние телодвижения, нужные и ненужные, выглядели достаточно убого и даже шкурно, а вовсе не героически, – но на прогрев суставов я себе заслужил, и все тут. Дарья, конечно, тоже, с ее профессией данаиды я бы вообще удавился по собственному желанию, но выпить с ней вдвоем мы еще успеем, у нас впереди не только вся ночь, но и весь вечер, исключая, конечно, время на выгул добермана...

Настоящего коньяку не оказалось. Настоящий мы выпили вчера. Водки тоже не было. Было какое-то подозрительное бренди какого-то не менее подозрительного Усть-Кишского изготовления, судя по надписи мелкими буквами на этикетке. Стаканчики Дарья куда-то задвинула. Я нашел фужер под шампанское и налил себе до половины в намерении интеллигентно выщедить, но поперхнулся и заглотнул разом, как удав. Меня прожгло. Энное время я стоял без дыхания, вроде персонажа Эдгара По, и дико сканировал пространство вращающимся взглядом, в желудке бушевали Этны с Толбачиками и плавилась минералы, гортань варилась живо, а в пищеводе рвались мелкие петарды. И ко всему было невыносимо гадко. Дверь в ванной звучно хлопнула задвижкой. Образовалась щелка, вся в свету и ошалелом метании

водяного пара.

– Самойло, ты? – крикнула Дарья. – Опять булькаешь?

Я перевел дыхание. Если в Усть-Кише спирт для этого бренди не делают из местных энцефалитных клещей на креозоте, тогда я не знаю, из чего его делают. Ладно, бывает хуже.

– Ничего, тут нам с тобой еще хватит, – сказал я, вытирая слезы. – Спинку потереть? Имей в виду, считаю до трех, потом раздумаю. Раз, два... два с половиной...

– Потереть. Эй, где ты там?

– Бегу! – я кинул на диван пиджак, содрал с себя свитер и очутился в ванной. Там было жарко, влажно и дышалось как в коллоиде. – Вот я уже и добежал... Что тут нужно потереть? О-о! – отшатнулся я и закрылся рукой. – Не показывайте мне этого, я сейчас сойду с ума...

– Болтун! – сказала Дарья. – Э, ты что делаешь?

– Рубашку снимаю, – объяснил я. – Жарко.

– Не вздумай ко мне забраться, – предупредила она. – Я тебя позвала работать, вот ты и работай...

– Я и не собирался, – соврал я, беря и намазывая губку. – А ну-ка вот так... Привстань. Так хорошо?

– Алкоголик, – сказала Дарья. – Пришел, дышит тут какой-то отравой... И каждый день пьет, да еще слабую женщину в пьянство втягивает. Другой бы на его месте давным-давно стал доктором, а этому хоть кол на голове теши...

– А зачем? – спросил я, работая губкой. – Мне и кандидата

за глаза хватит, а остальное у меня уже есть. – Тут я приналег на губку, и остальное застонало, выгибая спину. – Не нужно засорять собой науку, это антиэкологично...

Я развил эту мысль. В конце концов, сила науки заключается отнюдь не в том, какое иерархическое место занимает в ней некий доцент, говорил я Дарье, вновь намыливая губку. Если угодно, сила науки в том, чтобы каждый имеющий к ней касательство делал именно то, к чему он на данный отрезок времени наиболее приспособлен, а вышеупомянутый доцент именно этим изо дня в день и занимается как проклятый... Да, конечно, если бы лет десять назад ему сказали, чем все кончится, он бы крайне удивился, поскольку был в те годы бодр, настырен, самолюбив и непомерно глуп, не представляя ни себя без науки, ни даже, совсем уж смешно сказать, науки без себя. Так что в глазах того сопляка, ворковал я, с наслаждением водя губкой по восхитительной упругой спине, – да, в глазах того целеустремленного глупого сопляка вышеприведенное суждение имело бы некоторый вес, и даже, можно сказать с уверенностью, очень большой вес в силу обозначенных только что причин... Да. Что я хотел сказать?.. Пожалуй, теперь некий доцент, заменивший благополучно вымершего кайнозойского сопляка, считает, что занимает более честную позицию, нежели какой-нибудь бездарный выползень, каких на государственных грантах пруд пруди, какой-нибудь от науки прихлебатель профессор Антилопов-Гнусов... И потом, ты что, экран не смотришь? Те-

перь самые достойные профессии – энергетик и учитель, разве нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.